

Юрий Степанов

КОНЦЕПТЫ

ТОНКАЯ ПЛЕНКА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Юрий Сергеевич Степанов

Концепты. Тонкая пленка цивилизации

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180744*

*Концепты. Тонкая пленка цивилизации: Языки славянских культур; Москва; 2007
ISBN 5-9551-0205-1*

Аннотация

Ключевым термином этой книги является концепт. Под концептом понимается явление культуры, родственное «понятию» в логике, психологии и философии, исторически – «идеям» Платона. «Идеи – словесные образы бытия, имена – их осуществление» (о. Сергей Булгаков, 1953).

Осуществление концепта – это прежде всего его имя, но часто, притом в самых важных случаях, просто фраза, целое высказывание, бытовое, музыкальное или живописное, картина или даже нечто несловесное, «недискретное». В нашей книге с этой целью введены две внетекстовые цветные вклейки, как бы «две книги внутри книги».

Изучение концептов состоит не в классификации их «осуществлений», а в раскрытии их внутренних мыслительных связей. Поэтому внешним образом книга делится на «главы» (I, II ... IX), а внутренне, концептуально на темы, которые проходят сквозь главы, пересекают их: «Концепты» и «Антиконцепты»; «Минимализация в литературе и искусстве»; «Научное и Художественное»; «Любовь и голод движут миром»; «Сексуальная философия по Саду („сализм“») и т. д.

В совокупности концептов и их тем открывается какое-то новое состояние общественной духовной жизни, не нашедшее еще общего «имени» («Новая антропология»? «Новая семиотика культуры»? «Цивилизация духа»?).

Содержание

I. ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА СЕГОДНЯ. ЕЕ СФЕРА И ПРЕДМЕТ	4
1. Краткий обзор предмета. Ее сфера – весь мир. Метафора Паскаля	4
2. Понятие «гуманитарная наука» – само своеобразный концепт	6
3. Опыты обобщения самого концепта «Гуманитарной науки»	9
II. КОНЦЕПТ	11
1. Концепт. Предварительное определение	11
2. Концепт в «научном» и «ненаучном», в гуманитарной науке вообще. Трудность проблемной ситуации	12
3. Шокирующие термины «так называемое научное», «так называемое художественное». Кавычки как «в а к ц и н а ц и я» при употреблении термина	14
4. Одна базовая синонимия концептов: Концепт как «общечеловеческое, вненациональное» естественно тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному»	15
III. КОНЦЕПТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «НАУЧНОЕ».	16
СОЕДИНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ – ИЗОЛИНИИ (ИЗОТЕМЫ)	
1. Изотема 1	16
2. Изотема 2	18
3. Изотема 3	20
4. Изотема 4	22
5. Изотема 5	24
6. Изотема 6	27
7. Изотема 7	33
8. Изотема 8	38
9. Изотема 9	43
10. Изотема 10	50
11. Изотема 11	52
IV. КОНЦЕПТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ».	54
КОНЦЕПТЫ КАК НЕПОВТОРИМЫЕ (НЕСОЕДИНИМЫЕ) НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ	
1. Вводное замечание. Концепт – своеобразный национальный жанр словесности, ее «национальная минимализация»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юрий Степанов

Концепты. Тонкая пленка цивилизации

I. ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА СЕГОДНЯ. ЕЕ СФЕРА И ПРЕДМЕТ

1. Краткий обзор предмета. Ее сфера – весь мир. Метафора Паскаля

Метафора Паскаля гласит: граница мира – нигде, а его центр – везде. Представлять себе это лучше всего в виде именно шара, сферы, она не ограничена в пространстве нигде, но центр этой сферы – внутренний мир человека, там, где он, то есть везде.

Данный начальный обзор предмета может быть, конечно, только по-верхностным, внешним, из «глубинного» вообще не сложишь образ. Эти слова о «внешнем» являются парафразом Марины Цветаевой: «Не презирайте внешнего, цвет ваших глаз так же важен, как и их выражение...» Культурологи в настоящее время постоянно обращаются к «внешнему». Владимир Фещенко даже написал специальную работу «О внешних и внутренних горизонтах семиотики» [Фещенко 2005а: 6]. Впрочем, сказать одновременно, как мы (не Фещенко) сейчас сделали, «в настоящее время» и «постоянно», значит произвести «парадокс», или «амфиболию», или снова «метафору», – словом, целый набор стиливых терминов (не лучшего вкуса), но это тоже черта гуманитарной науки: ее собственный стиль и границы – предмет ее постоянных забот. Один из основоположников семиотики Ф. де Соссюр с этого и начал: семиотике (у него семиологии) предстоит еще многое сделать, даже уже только для того, чтобы определить свои собственные границы [Соссюр 1933: 40]. Когда в 1917 г. художники Т. Ван Дусбург и П. Мондриан основали новое авангардное направление, то их главный (голландский) орган – журнал, так и был назван «De Stijl» («Стиль»).

Само понятие «внутренний горизонт» меняется. Если обычно оно относилось к слепым, то сейчас к зрению внутреннему – к ментальному, умозрительному (один из замечательных русских примеров – «Умозрение в красках» [Трубецкой 1991]).

Меняются не только произведения, но и способы их названия. Возьмем нашу собственную данную книгу «Концепты. Тонкая пленка цивилизации». Что это – «название»? Или «собственное имя» данного произведения, продукта?

(Есть же автомобиль «Пежо», мебельный гарнитур «Аленка» и т. п.) Или, может быть, «псевдоним»?

В быту, в современном русском языке эти словосочетания обычно смешиваются. Во всяком случае, необходимо различать если не сами сочетания, то хотя бы то, что за ними стоит. Например, «Белеет парус одинокий» – это, прежде всего, знаменитое стихотворение М. Ю. Лермонтова, собственное имя этого стихотворения, под которым его все знают в нашей жизни.

Но это, скорее, псевдоним. У самого Лермонтова стихотворение называется «Парус» (1832 г.)

Валентин Катаев пишет повесть «Белеет парус одинокий» (1936 г.), в которой по смыслу содержания уже нет речи ни о парусе, ни о Лермонтове.

Как же следует отнестись к тому, что написано как наш заголовок книги? Конечно, это собственное имя данной книги. Но поскольку видно, по обложке или по иным признакам,

что речь идет о чем—то научном, то у заявленного названия – «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» – должен быть синоним, мы его также выписываем: «Гуманитарная наука сегодня». Он не поставлен рядом с предыдущим – «Тонкая пленка цивилизации» – просто потому, что по типографским правилам не принято печатать слишком длинные заголовки.

Тем не менее все эти детали находят свое место в содержании наших книг. Конкретно: в типографских различиях, например, в отличиях английского *курсива* от русского [Степанов 2004б: 60–61].

Однако и в случае с «парусом» мы способны различать названные факты посредством относимых нами же самими к ним слов: «стихотворение Лермонтова», тогда это будет общеизвестное со школы, знаменитое «Белеет парус одинокий», или «Лермонтов „Парус“, 1832 г.», или «Катаев, повесть, 1936 г.».

Собственные имена произведений тождественны (для лингвиста они – с и– нонимы). Но само различие (или неразличие) чего—либо тождественного уже составляет научную проблему. Например, по Б. Расселу (в его Гарвардских лекциях 1940 г. [Russell 1980: 103]): «Что неразлично, то тождественно». Как и всюду, даже в рамках этого краткого обзора, прикосновение к какому—либо понятию гуманитарной науки тут же вызывает другое понятие, – вся эта наука пронизана связями и ментальными ассоциациями. В данном случае тезис «Что неразлично, то тождественно» Рассел считает «главным достоинством своей логической теории», влекущим к рассмотрению «а н а л и т и ч е с к о й и с т и–ны по Канту» («the principal merit of the theory I am advocating is that it makes the identity of indiscernibles analytic»). Но для нашей собственной книги это уже отдельная, следующая глава (II).

2. Понятие «гуманитарная наука» – само своеобразный концепт

Как и всякий концепт или понятие, и данные понятия складываются из определяющих современных признаков, которые нужно обозначить. Обозначить, конечно, не конкретно каким—либо началом, границей сегодняшнего дня, но всё же некоей «актуальностью», что является для нас «сегодняшним», «актуально интересным».

На наших глазах создается всеобщая гуманитарная наука, или новая всеобщая антропология, объединяющая разные виды искусств и разделы наук о них. У нее несколько синонимичных обозначений: «философская антропология» (ср. [Малахов 2001]), «философия науки» (ср. [Касавин, Пружников 2001]) и др. Мы оставляем свой названный термин. Это – наука объединяющая: философия, логика, словесность и поэтика, живопись, ваяние, зодчество и науки о них, музыка и музыковедение. Под воздействием их контактов изменяются и сами ее «виды». Александр Скрябин в начале XX века начал создавать «Цветомузыку», Стефан Малларме, без названия, «словомузыку» (его очерк назывался «*La Musique et les Lettres*» – «Музыка и Словесность», 1894 г.), и он же – новый взгляд на поэтическое произведение, на «поэтическую строку» («*Le mystère dans les lettres*» – «Тайна в произведениях словесности», 1896 г. и «*Le Livre, instrument spirituel*» – «Книга – духовный инструмент»).

Его ученик Поль Валери развил эти идеи в разных отношениях, из которых сейчас подчеркнем главным образом «*Poésie et Pensée abstraite*» – «Поэзия и Абстрактное мышление», 1939 г.

Наука о словесности, особенно в России в последние годы, развилась в учение «о словесном вообще» – о «дискурсе» и «дискурсах». Во встречном движении, идущем от биологических наук, неожиданно пришли в соприкосновение термины «дискурс» и «ценоз», притом так плотно, что нельзя даже найти их начальных авторов. Под ц е н о з о м «в сочетании с обозначением какой—либо систематической группы (зоо-, фито-, микробо—и т. п.)» понимают «функциональное объединение особей и частей популяций этих групп в некое целое, т. е. любое сообщество организмов» [Реймерс 1991: 478]. Под дискурсом понимают «устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [Силантьев 2006: 9]. Разница между дискурсом и биологическим понятием лишь в том, что гуманитарии абстрагируются от физических особей, определяя их только через семиотический способ их общения.

Конкретно, в книгах (т. е. в текстах) наших дней эти понятия возникают вполне терминологически в биологии (я бы даже сказал в «Философской биологии») – в книге: Б. Н. Бел и н ц е в «Физические основы биологического формообразования. Под ред. М. В. Волькенштейна». М., Наука, Главная редакция физ. – мат. литературы 1991 (с. 11 и др.), и книге: Г. П. Щедровицкий «Знак и деятельность. 34 лекции 1971–1979 годов. Кн. I». Издат. фирма «Восточная литература» РАН. М., 2005 (см. Указатель понятий. С. 443–459).

Естественно, то, что является конкретным объектом в той или иной науке, не может быть таковым для другой науки. «Особи» для зоологии и «особи» для ботаники уже нечто различное. «Скопления» для астрономии («звездные скопления») и для биологии («клеточные скопления») – столь же очевидно разные объекты. И т. п. Так что обобщения языкового типа как «общие термины в языках науки» в этой связи тоже рассматриваться не могут. Единственно возможным может служить ответ на вопрос «Что является конкретным объектом для современной гуманитарной науки?». Заметим, что, в сущности, это тот же самый вопрос, с которого начинала античная наука эпохи Аристотеля: «объектом» является не нечто, определенное как «объект», а нечто, определенное как «о б ъ е к т д л я той или иной науки».

Применительно к нашей науке – «всеобщей гуманитарной науке» – объекты эти должны носить характер «а н с а м б л е й», – масс, групп, классов, сообществ явлений, т. е. быть м н о ж е с т в а м и чего—то.

Объекты эти должны быть – опять—таки, пусть л и ш ь с т о ч к и з р е н и я обычного языка – достаточно определенными, т. е. прежде всего именно как «множества».

«Теория множеств как математическая дисциплина». «Согласно канторовскому определению, *множество* есть любое собрание определенных и различных между собой объектов нашей интуиции или интеллекта, мыслимое как единое целое; эти объекты называются *элементами* множества. [...] Канторовская формулировка допускает рассматривать множества, элементы которых по той или иной причине нельзя точно узнать» [Столл 1965, 13].

Почти всем понятиям множеств, во всяком случае в рамках названной книги, легко находятся обычные языковые термины у культуролога. Но вот все же некоторые случаи иного, т. е. отсутствия такого легко находимого соответствия. Таково понятие *границы*. Представим себе, что мы считаем числа в направлении нормального числового ряда, отмечая аналогичным образом какую—либо естественную границу ряда: группа из трех чисел 1, 2, 3 завершается числом (3), делящимся без остатка на 3; так же группы 4, 5, 6 и 7, 8, 9; напротив, группы из двух чисел 1, 2 и 3, 4 завершаются числом, делящимся без остатка на 2 и, к тому же, числом, являющимся степенью 2: 2^1 , 2^2 и т. п. То есть такие границы могут играть какую—то роль за пределами математической теории множеств – в культуре и культурологии (несколько таких случаев рассмотрены нами специально в материале индоевропейских культур [Степанов 1989]).

Для философов вообще, в частности философов языка или связанных с языком, вообще понятие границы, граничности не менее важно, чем понятия множество и объект. Напомним лишь замечательную работу А. И. Умова «Вещи, свойства и отношения» [Умов 1963], начиная с его примера «Одно ли и то же человек и голова человека», если они единицы счета – предметы, по которым мы считаем, и т. д. От себя тут добавим, что в современной гуманитарной науке нам важны не только «качественные понимания вещей», «взаимоотношение вещей, свойств и отношений», но даже и то, в рамках какой науки, с помощью каких знаков, производится установление вещей, свойств и отношений и самого я в л е н и я с ч е т а.

Вообще, «граничность» – явление скорее философского свойства, культуролога же, как в нашей теме, интересует прежде всего различность или определенность, возможность идентифицировать объект в связи с нашими действиями в рамках той или иной научной проблемной ситуации, т. е. той или иной науки, – в конечном счете по отношению к языку вообще. Скажем, могут идентифицироваться «нетрадиционно» «лицо», «вещь», «место», «время», «событие» или даже «отношение к событию» в какой—либо нетрадиционной ситуации или тексте. (Эти понятия в данной связи, по крайней мере для русского текста, стали предметом нашей специальной работы «Безличность и неопределенная референция» [Степанов 1988: 226–236] и вслед за ней «Философия и непрямая референция» [Вас. Кузнецов 2001: 217–224].)

Нам кажется, что здесь аналогично движется мысль Вас. Ю. Кузнецова, когда он говорит относительно непрямой референции в философии языка: «Непрямая референция принципиально не укладывается в ряд риторических фигур. Она присутствует там и тогда, где и когда прямая референция бессмысленна или невозможна. Достаточно несложно бывает сказать, как и с помощью чего непрямая референция разворачивается, но совершенно бессмысленно спрашивать, к чему именно отсылает, – ведь даже сама возможность ответа на такой вопрос превратила бы ее в прямую референцию. В отличие от метафоры, которую можно уподобить, пожалуй, мосту к другому берегу предметности, [...] непрямая референция похожа скорее на навесной, консольный мост над пропастью, наращиваемый в неизвестность, к невидимой цели» [Вас. Кузнецов 2001, 224].

Ограничимся еще лишь одним культурологическим примером.

Так, русский концепт *Тише едешь – дальше будешь* определяет здесь лицо неопределенно: кто это? – ты, я, он, всякий действующий человек вообще. И в силу этой неопределенности форма оставляет простор для метафор, намеков всякого рода и т. д. Говорят, будто Лев Троцкий в разговоре со Сталиным, уже предчувствуя свою высылку, но не торопясь к ней, сказал:

– Тише едешь, дальше будешь.

На что Сталин, со свойственным ему даром быстрого парирования, ответил:

– Дальше едешь, тише будешь.

(Как известно, Троцкий вскоре, далеко от Москвы, в Мексике, был убит по приказу Сталина.)

Понятно, что, имея в виду нашу задачу – гуманитарную науку в целом, невозможно и нет необходимости стремиться перечислять ее объекты так, как это делается в конкретных таксономиях биологии, географии и т. д., необходимо определить ее главный объект – к о н ц е п т.

3. Опыты обобщения самого концепта «Гуманитарной науки» От «Новой Науки» Дж. Вико и семиотики к «всеобщей антропологии» наших дней и «сверхпрагматике»

Термина «всеобщая антропология» еще нет. Но ощущение его необходимости уже есть. И первым, как нам думается, осознал это Джамбаттиста Вико еще в 1725 г. Можно считать, что на протяжении двух с половиной веков не прекращались устремления мыслителей в сфере культурологии и философии в этом направлении.

Обратимся в новейшему обобщающему изданию в нашей стране – «Новая философская энциклопедия в четырех томах» [Новая философская энциклопедия 2000–2001]. Мы найдем в нем под общим термином «Антропология»: «Антропология социальная (культурная)», «Антропология философская, или Философская антропология», «Антропология христианская», «Аскетическая антропология», «Антропология католическая» и более частные, специальные: «Антропология тела» (автор В. А. Подорога), «Антропология с прагматической точки зрения» (термин Канта) (автор статьи Е. В. Ознобкина) и десятки упоминаний в разных других статьях.

Процитируем несколько определений: «Антропология социальная (культурная)» – «область знания, объединяющая ряд полуавтономных дисциплин, которая занималась в первую очередь обществами, изолированными от письменной исторической традиции... [В настоящее время. – Ю. С.] большой интерес представляет методологическое взаимодействие социальной антропологии и других социогуманитарных дисциплин и философии» (автор статьи Н. Н. Козлова; т. I, с. 132).

«Философская антропология» – «в широком смысле слова – философское учение о ч е л о в е к е, его „сущности“ и „природе“; в этом значении охватывает самые разные философские направления в той мере, в какой в их рамках представлены те или иные способы осмысления человека, и пронизывает собой всю историю философии. [...] В современной антропологической философии можно проследить две основные парадигмы: парадигму „жизни“ и парадигму „существования“, или „экзистенции“. Первая восходит к Ницше, вторая к Кьеркегору» (см. [Малахов 2001]). В рамках парадигмы жизни развиваются весьма различные антропологические концепции (упоминается, в частности, философски ориентированная биология (Я. Икскуль) (см. [Малахов 2001], см. также [Uexkull 1909], [Uexkull 1940; 1956; 1958; 1962], [Степанов 1971: 147] – примеч. наше. – Ю. С.).

В рамках парадигмы Кьеркегора развивается понятие «экзистенции» (см. также в данной книге в связи с Сартром и Г. Ивановым. – Ю. С.) (автор статьи В. С. Малахов. Новая философская энциклопедия. Т. IV. С. 241).

Но, конечно, при всех обобщениях современной антропологии мы, в данной книге, не можем обойти именно специальных обобщений, важных в нашей связи. Из них в данном Введении остановимся лишь на нескольких.

Дискурс. Это более современный синоним для понятия язык, поделенный на подязыки (язык как множество элементов, поделенное на подмножества).

«Термин „дискурс“ на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [Силантьев 2006: 9]. «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем» [Тюпа 1996: 12].

«Дискурс – произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг

некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько т е м о б щ и м для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который „строится“ по ходу развертывания дискурса...» [Демьянков 1982: 7].

С у п е р п р а г м а т и к а. Этот термин непосредственно включает нас во «всеобщую антропологию». Но сам он – завершение обычного в семиотике ряда: семантика, синтактика, прагматика. И «завершение» в этом ключе потребовало нового исследования [Ревзина 2005]. О. Г. Ревзина, к которой мы присоединяемся, – последовательный семиотик (семиотист, семиолог), она считает необходимым обратиться к ближайшей истории семиотики и культурологии, хотя бы к системе М. Фуко. Последний «пользуется такими квалификациями, как критический, религиозный, юридический, экономический, политический дискурсы, которые апеллируют к формациям тем и объектов и существуют как пред—данные, подобно естественным родам в их классическом понимании, для которых, собственно говоря, никаких процедур не требуется. Одновременно все процедуры Фуко так или иначе связаны с человеческими установлениями и теми самими „антропологическими концептами“ (субъект, автор, индивид), которые он же сам называл „мало осмысленными общностями“. Таким образом, по одной логике дискурсивные (дискурсные. – Ю. С.) формации объективны и не зависят от человека, а по другой – они создаются социумом и контролируются им» [Ревзина 2005: 69].

Далее О. Г. Ревзина делает примечательное обобщение: «Между языковой концептуализацией и прагматикой есть, как будто, соответствие: и там, и здесь – область свободы. А живучесть художественного дискурса (во всем многообразии его исторических модификаций) заставляет думать о некоей сверхпрагматике. [...] В самом широком смысле слова культура – это то, что отличает именно человека как *homo sapiens*. Но ничто в культуре не претендует на вторичное сотворение мира. Подобной прерогативой располагает только художественный дискурс, причем с помощью именно того средства, которое (в его полноценном виде) дано только человеку. Таким образом, „сверхпрагматика“ художественного дискурса, возможно, состоит в подтверждении идентификации „человека как творца“, и он сам мыслит о себе как „искушаемый дьяволом или благословляемый Богом“ – творец» [Ревзина 2005: 77].

Естественно, что автор данной книги о концептах должен как—то обозначить свое скромное отличие. Оно состоит в отличии его собственного предмета.

Это сами концепты – это «тонкие пленки», но когда они складываются в мозаику, рождается Новая всеобщая антропология.

Автор не может не воскликнуть вслед за Ламартином: человечество – это ткач, который тклет свой гобелен, видя его лишь с рабочей изнанки, как хаос узелков и обрывков нитей, но настанет день, ткач зайдет с лицевой, парадной стороны – и увидит божественной красоты чудо!..

II. КОНЦЕПТ

1. Концепт. Предварительное определение

С внешней стороны, концепты – это просто фразы, обрывки фраз и узелков, но это «тонкие фразы», такие, за которыми в нашем сознании возникает как бы уже давно знакомое содержание:

– *Кто последний? Я за вами...* – ситуация в очереди ожидания – в магазин, к врачу, в кассу за билетами. Ситуация может развертываться: *Вы здесь не стояли!* Это все еще бытовой концепт. Но вот художник слова (Анна Ахматова) придает ему более широкий смысл – выталкивание человека из жизни вообще, и концепт существует уже в этой, чуть—чуть иронической, форме: «Вас здесь не стояло!» Мы (а не мы, так другие, – кто—нибудь, кто помнит) можем вспомнить и самую начальную (печальную) ситуацию:

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как—то раз кто—то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать? И я сказала:

– Могу.

Тогда что—то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

(Анна Ахматова. 1 апреля 1957 года, Ленинград).

Концепт можно определить как понятие, но *понятие*, расширенное в результате всей современной научной ситуации.

Понятие без такого расширения – это предмет науки логики, описание наиболее общих и существенных признаков предмета, указание его ближайшего рода и отличия его вида, т. е. рода и видового отличия.

Концепт же – предмет иной науки – культурологии и описание типичной ситуации культуры.

Понятие «определяется», концепт же «переживается». Он включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно—художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций. В этом смысле предмет нашей книги – это «наука о ненаучно м».

Но, с другой стороны, концепт отличает и еще одна, отмеченная уже особенность – его минимальность, или минимализация. Не будь ее, и сама наука не могла бы состояться: никто не может по—человечески (т. е. если это не компьютер) оперировать чрезмерно большими массивами информации в режиме реального времени.

Поэтому наша наука – это и «наука о кратком». На какое—то время она оказалась забыта, а ведь была: латинские *дигесты*, чеховская проза – «проза должна укладываться в одну минуту»...

Тем самым мы подошли к тому, что составляет собственно основное содержание нашей книги – «Концептам». Но пока еще подошли только в виде «предварительного» определения.

2. Концепт в «научном» и «ненаучном», в гуманитарной науке вообще. Трудность проблемной ситуации

Трудность проблемной ситуации состоит в том, что не существует четкого разделения «научного» и «художественного, ненаучного». Конечно, известно определение Канта: «художественное» основано на «критике эстетической способности суждения», и ниже мы в деталях обратимся к этой критике. Но сейчас нам необходимо краткое (предварительное, «рабочее») определение. Им оказывается следующее, всем известное различие: ученый стремится повторить с видоизменениями, развить какое—либо положение (тезис, утверждение) своего предшественника, следствием чего является всеми п р и з н а в а е м о е з а н о в о е научное положение, тезис, утверждение; художник же стремится всеми силами избежать повторения по отношению к своему предшественнику; если этого ему не удастся сделать, то его результат н е б у д е т п р и з н а н новым художественным произведением, а только в лучшем случае к о п и е й, п о д р а ж а н и е м, пастиш (франц.), пастиччо (итал.).

На этом основании к н а у ч н ы м мы отнесем такие концепты, которые формируются как синонимичные, минимум парами, являются п а р н ы м и у т в е р ж д е н и я м и (или в большем количестве), н е я в л я ю т с я и з о л и р о в а н н ы м и. Нашим английским эквивалентом будет термин «и з о л я т», isolate (мы употребляли его уже в конце 1960–х гг. [Степанов 1971: 68–71]); т. е. изолят сам по себе может быть отграничен от чего—то другого в том же роде, но для своего понимания обязательно требует пары. В лингвистике, как это ни парадоксально, лучшими синонимами являются а н т о н и м ы. (В лингвистике более точным термином служит б и н а р н а я о п п о з и ц и я.)

Напротив, н е н а у ч н ы м и, х у д о ж е с т в е н н ы м и в нашем понимании будут такие концепты, которые при обычном, естественном употреблении языка не поддаются парному утверждению, являются «абсолютными и з о л я т а м и».

В группу (в класс, множество, ансамбль и т. п.) научного мы отнесем парные утверждения «синонимично—антонимичного» типа: «нечто одно – это то же самое, что и нечто другое, но при некоторых несущественных отличиях». При записи в виде предложений—утверждений они соединяются знаком &.

Поэтому вполне возможно следующее разделение: художественное может быть определено путем отрицания от научного: художественное – не научное.

(Нетрудно заметить, что семиотическое определение знака подпадает под этот разряд («что—то, что стоит вместо чего—то», латин. *Aliquid quid stat pro aliquo*.) В нашей книге о концептах этому специфическому явлению ниже будет посвящен особый раздел под названием «Прозрачность знака».)

Могло бы сложиться впечатление, что концепты – достояние только чего—то «художественного», во всяком случае, людей, занимающихся литературой, искусством и науками о них. Это впечатление должно быть рассеяно.

Наша книга имеет целью представить всю актуальную гуманитарную науку. Но «представить всю» не значит «охватить всю». Наш способ представления можно сравнить внешним образом с зондажем типа «буровой скважины». («Буровая скважина – технически оснащенная горная выработка почти цилиндрической формы, протяженность ствола которой во много раз больше ее диаметра» [Энциклопедия 2000–2001: 378].)

Здесь мы используем свой текст, опубликованный в материалах к недавно проведенной конференции [Степанов 2006: 10 и сл.]. Там, в коротких докладах глубокий, «вертикальный» текст во много раз глубже словесного «горизонтального».

Конференция, как и современная гуманитарная наука вообще, создает особый жанр и стиль общения, которые задают и свой ритм. Это не классификация «областей науки», а

некоторый перечень творческих импульсов, идей, возникающих в жанре личных встреч – личные творческие коды в ритме общения.

Тем не менее необходимо указать не только «перечень», но и некоторые особенно значимые контакты, линии пересечения таких импульсов. Эти линии не имеют собственного обозначения, «список ВАК'а», понятно, не подходит. Я не нахожу лучшего обозначения, как принять любое сочетание терминов, начинающихся с префикса «ИЗО-» – изобары, изотермы, изоглоссы и т. п. Предпочитаю назвать их, как линии пересечения исследовательских тем, – **ИЗОТЕМЫ**. Обозначаю их для краткости фамилиями исследователей (без имен —отчеств), которые в большинстве случаев (но не только они) являются активными деятелями науки, в частности, названной конференции. **Изотемы** – это и есть **концепты** в их не художественном, а общенаучном ареале. Итак, – **ИЗОТЕМЫ**.

Нижеследующее представляет собой обзор, некоторый примерный перечень конкретных объектов, и з о т е м, современной гуманитарной науки, прежде всего, как он сложился для читателя, т. е. автора, в ходе названной конференции 2006 г., и шире вообще, т. е. прежде всего как «Н а у ч н о е».

3. Шокирующие термины «так называемое научное», «так называемое художественное». Кавычки как «в а к ц и н а ц и я» при употреблении термина

«Шокирующим» должен был бы быть сам термин «шокирующее» (из интервью по телевидению: «В российской школе так мало гуманитарного креатива, это нас шокирует»). Но в нашем тексте все как раз на месте: слова «так называемое» обозначают то, что не все современные читатели (зрители) готовы принять без этого определения, – просто «научное» и просто «художественное», что так только называют, но не считают таковым в действительности.

Но с таким ограничением им (и нам) придется согласиться, – таково оправданное употребление в рамках данной книги.

Вообще же желающим обсудить именно наше употребление терминов можно рекомендовать начать с более простого, например, с работы (кстати, одновременно и научной, и художественной) британца Дж. Остина о трех терминах «Три способа разлить чернила» [Austin 1970: 272–287]. Эти три способа в английском языке таковы: *intentionally, deliberately, on purpose*. Над русскими соответствиями, конечно, придется подумать, даже глаголов будет не один, а два: «пролить» – скорее, случайно, «разлить» – скорее, обдуманно. Раздраженному русскому читателю напомним только, что и для «англоговорящих» Остина и его друзей задача начиналась (в первом тексте) с вполне серьезного мероприятия – юридического симпозиума «Ответственность» («Responsibility» 1960).

Слова «так называемое.», которые окружают приведенные термины в нашем тексте, являются, очевидно, способом у м е нь ш и т ь о т в е т с т в е н – но с т ь за употребление этих терминов. Об ответственности, как мы только что подчеркнули, говорили и англоамериканские культурологи—лингвисты на своем симпозиуме о синонимах. Очень тонко в русской речи подметил это явление академик В. В. Виноградов в 1970–е годы: многие пишущие и цитирующие ставят кавычки вокруг использованных ими терминов просто для того, чтобы снять с себя ответственность за то, что они употребили эти термины. К этому способу изложения приходится прибегнуть и нам при обследовании концептов, особенно в таких «нестандартных» случаях, как описание некоторых концептов в философии маркиза де Сада (например, «садизма») (в гл. VIII).

Но то же явление «кавычек», «закавычивания» можно описать еще и иначе – как своеобразную в а к ц и н а ц и ю при прямом изложении, как терапевтический культурологический процесс (в главе VII, 2 и VIII).

4. Одна базовая синонимия концептов: Концепт как «общечеловеческое, вненациональное» естественно тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному»

Это заключение, начатое двумя ранее упомянутыми определениями «научное» и «художественное», образует два отдельных раздела (ниже, главы III и IV). «Научное» в нашей книге излагает соединения концептов, «Художественное» – неповторимые несоединимые концепты.

Но затем им будет еще раз предпослано развитие их различий в аспекте м и н и м а л и з а ц и и культурных процессов (глава V).

III. КОНЦЕПТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «НАУЧНОЕ». СОЕДИНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ – ИЗОЛИНИИ (ИЗОТЕМЫ)

1. Изотема 1

Термины с морфемой *изо*—как функции особого вида

Термины, начинающиеся морфемой *изо*-, означают линии на карте, соединяющие точки с одинаковым значением или с одинаковой степенью какого—либо явления: *изобары* – с одинаковым атмосферным давлением, *изотермы* – с одинаковой температурой, *изонеты* – с одинаковой облачностью, *изобаты* – с равными глубинами водоемов, *изоколы* – линии равных искажений, возникающие на географической карте в силу особенности ее проекций, и т. д. и т. п.; далее, уже без отношения к географической карте, *изомеры* – химические соединения, одинаковые по составу и молекулярной массе, и т. д. и т. п.

Изотемы – это соединения изотерминов, характеризующие уже самих исследователей, принятые у этих исследователей термины. Например (см. ниже *Изо*– тема 1), *философия* – обычный традиционный термин в России, как в журнале «Вопросы философии», а *философоведение* – новый термин, как в журнале «Фи—лософоведение». Их соединение – это уже небольшая изотема. Изотемы – основной каркас («карта») современной гуманитарной науки, ее обобщенный словарь.

Обратим внимание на некоторые его особенности.

Поскольку сочетания *изо*– + *какой—либо научный термин* употребляются в достаточно большом количестве случаев и составляющие их термины достаточно четко определимы, они могут рассматриваться как функции особого вида в логико—математическом смысле: «Функция есть *операция*, которая, будучи применена к чему—то как к *аргументу*, дает некоторую вещь в качестве *значения* функции для данного аргумента. Не требуется, чтобы функция была применима к любой возможной вещи как к аргументу, напротив, в природе всякой функции скорее лежит свойство быть применимой лишь к некоторым вещам и, будучи примененной к одной из них как к аргументу, давать некоторое значение. Вещи, к которым функция применима, составляют *область определения* функции, а значения составляют *область значений* функции. Сама функция состоит в определении некоторого значения для каждого аргумента из области определения функции» [Черч 1960: 24].

Понятие функции во всех основных смыслах, важных для культурологии, составляет параллель для математики и логики, как видно в этом определении А. Черча, с одной стороны, и определении В. Я. Проппа в его знаменитой книге 1928 г. «Морфология сказки». Сравним у В. Я. Проппа: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия».

I. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки.

II. Число функций, известных волшебной сказке, – ограничено» [Пропп 1928: 31].

Изотемы являются функциями, поскольку знак «*изо*» играет роль показателя *операции*, а именно соединения двух терминов, выступающих как *аргументы*, а аргументами являются наименования объектов научных дисциплин.

Понятие *ф у н к ц и и* в логико—математическом смысле, – а теперь мы видим, что и в смысле культурологическом, – очень важно для современной гуманитарной науки. Простейшим (т. е. простейшим для данной части нашего текста) примером могут служить все русские слова, у которых «левый» элемент указывает материальную сферу деятельности, а «правый» – отдельный предмет этой деятельности (для ясности в отступление от орфографии соединяем их дефисом): *снего—очиститель, газо—провод, торфо—укладчик, нефте—скважина*; семантические отношения могут меняться местами в отдельных случаях: *снего—уборка, га—зо—добыча, торфо—разработка, нефте—компания* и т. п.

Процесс этот носит универсальный характер. Философ Вас. Ю. Кузнецов в своей работе «Утопия в современной философии» показал, что в реальной практике философов имеется огромное количество словосочетаний, где роль такого же «левого» термина играет *философия*: философия науки, философия искусства, философия истории, философия математики – в общем употреблении и, у отдельных авторов, – *философия символических форм* (в книге Э. Кассире—ра), *философия пола и любви Н. А. Бердяева* (в книге Ю. Ю. Черного) (доклад Вас. Ю. Кузнецова был прочитан на семинаре Ю. С. Степанова «Современная философия языка» в Институте языкознания РАН в Москве в январе 2004 г.).

Ввиду важности математической роли функции мы поднимем ее в ранге – из терминов *в и з о т е м ы* (далее).

2. Изотема 2

Расширенное замечание к понятию изотема в целом

Как и в других случаях «изотем», «разделов», «отраслей наук» и т. д., проблема здесь, в сущности, одна и та же – как их именовать? К примеру,

перед нами в начале линии нашего исследования, в **изотеме 7** (здесь ниже), такой предмет, как «элемент реальной звучащей человеческой речи – а к у с т и – ческий импульс», а в конце этой изотемы понятие энтропии. Очевидно, что у этих двух предметов разный масштаб – в первом случае это масштаб отдела языковедческой науки, фонетики, а во втором – общенаучный масштаб теории информации, мера неопределенности ситуации. Во всех таких случаях мы пренебрегаем разностью масштабов: один предмет столь же предмет, как и всякий другой, «импульс» в языковедческой науке и «энтропия» в плане мироздания – равно «*изо* явления», сближенные, следовательно, только способом построения нашей книги.

Но, конечно, за этой «случайностью книжной страницы» все же проглядывает какая-то «установка», какая-то специфическая «предвзятость», короче, какой-то «с т и л ь». Он и здесь очевиден, – стремление не к «крупномасштабному», не к «египетским пирамидам», а скорее к м и н и м а л и з а ц и и, к тонким ментальным движениям, к «тонкой пленке» цивилизации. Этитер–мины постоянно возникают в различных местах данной книги.

Обозначив, в разных местах, понятия соединений и пересечений концептов как «межнациональное» и «межнаучное», а также «межхудожественное» (термин, конечно, неудачный, но это только из-за отсутствия в русском языке прилагательного для обозначения целой области, лежащей «меж искусствами»), мы, естественно, подходим к проблеме новых соединений–пересечений, происходящих в к о н ц е п т а х р а з н ы х о б л а с т е й. Для этого нам удалось изобрести только один подходящий термин (но он, к сожалению, английский): *cross conceptual* (по аналогии с *cross cultural*), т. е. кросс–концептное.

Линии кросс–концептное (кросс–концептуальное) и *изо*– именуют, в сущности, одно и то же, но первая, скорее, по содержанию, а вторая по форме.

Понятие изоглоссы очень важно для культурологии. Однако выяснилась и его недостаточность, связанная прежде всего с тем, что слово – единица двоякая: фонетически слова могут лежать в одной изоглоссе, например, рус. *невеста* «девушка, сговоренная замуж», *невестка* «жена сына по отношению к его матери, свекрови», а семантически совсем в разных, рус. *невестка* (в указ. знач.), в литературном языке и в московской области, и *сноха*, то же, что *невестка* в тамбовской и костромской областях. И это две разные изоглоссы. Такое обычное понятие, как «стол» (обеденный) связано по происхождению в рус. языке с понятием «*расстилать, постилать* (напр., *скатерть*)»; в немецком *discus* «миска, блюдо и подставка под нее», «диск»; во французском *table* «доска»; в испанском и португальском – от латин. *mensa*, в первом значении «ритуальный, сакральный пирог, разделенный крестом на четыре части, подобно древнеиндийскому „мандала“».

В нашей книге необходимо обозначать явления, как-то связанные с понятием культуры, но в специфическом ее виде – как «тонкие пленки» цивилизации, или, как мы теперь видим, часто даже не «пленки» как поверхности на чем-то, а только линии внутри них, соединяющие некоторые точки. Во многих случаях такого понятия еще нет, хотя само понятие, по крайней мере ощущение в его необходимости, уже есть. Например, так, на наш взгляд, можно связать некоторой изоглоссой то, что обозначено в заголовке новой книги:

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. М.: Научно–образовательный форум по международным отношениям, 2005. 344 с.

Впрочем, обозначить эту изоглоссу описательно достаточно трудно. С одной стороны, ясно, что речь идет о каких—то точках территории, которые как раз и могут быть связаны изоглоссой. Но, с другой стороны, трудно описать каждую такую точку внутри нее. Что в ней происходит?

— Какой—то этнический процесс, который одновременно и процесс политический, и процесс лингвистический (поскольку затрагивается язык). И притом происходят конфликты. (Понятие «конфликтология» мы введем ниже в наш обзор «изотем».)

Изотемы вообще — это, в сущности, части некоего воображаемого двуязычного, наподобие «русско—английского», с л о в а р я, в котором сопоставленные термины принадлежат один одной, а другой другой научной области гуманитарной науки.

Мы соединяем их термины не знаком «тире», а более специфическим знаком &.

3. Изотема 3

Философия & Философование & Философия в контексте современной гуманитарной науки

Если, как мы видели выше, во Франции в 1939 г. под пером Поля Валери «поэзия» и «философия» (а точнее, по—французски «la pensée philosophique» – «философская мысль») уже пришли в соприкосновение как предметы общей гуманитарной науки, то подобные же процессы происходят – и, может быть, более определенно – и в России наших дней.

В новейшем издании «Новая философская энциклопедия» [Новая философская энциклопедия 2000–2001] под термином «Ф и л о с о ф и я» (т. IV, автор статьи В. С. Степин. С. 195) читаем ее определение: «Особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни». Но уже ближайшие в этом томе статьи очевидно воспринимаются – именно как необходимые, наших дней – дополнения. Специально укажем следующее: «Ф илософия науки – философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; специальная философская дисциплина, предметом которой является наука» (с. 218. Авторы И. Т. Касавин, Б. И. Пружников); в сущности

рассматривается «расширение предметного поля философии науки» (с. 220. Разрядка моя. Сравним нашу гл. I, 1 здесь – Ю. С.). Далее, в том же цикле статей отметим: «Ф и л о с о ф с к а я а н т р о п о л о г и я – в широком смысле слова – философское учение о человеке, его „сущности“ и „природе“, в этом значении охватывает самые разные философские направления в той мере, в какой в их рамках представлены те или иные способы осмысления человека, и пронизывает собой всю историю философии» (с. 241. Автор В. С. Малахов).

Подобные актуальные расширения и видоизменения понятия «Философия» пронизывают многие специальные философские журналы наших дней, заслоня собой – по—видимому, справедливо – такие уже немолодые издания, как «Вопросы философии». Сравним, например, журналы «Эпистемология & Философия» (т. 1, № 1, с 2004 г.), «Ф и л о с о ф с к и е исследования» (с 2004 г.). Из последнего издания подчеркнем для нашей темы статью В. С. Ш в ы–ре ва «От классического к современному типу рациональности» (2004/1): «Современная эволюционная эпистемология исходит из признания и даже подчеркивания принципиальной предпосылочности всякого познавательного отношения к миру» (с. 38); в этом усматривается три ключевых момента: 1) сама рациональность является априорной идеей, 2) но эта априорность о т н о с и т е л ь н а, т. е. исходные предпосылки тех или иных познавательных моделей формируются в п р о ц е с с е эволюции познания и в этом смысле они а п о–стериорны (там же). Упомянутая работа может (за небольшими, с нашей точки зрения исключениями, например, перекосом в сторону концепции М. М. Бахтина) расширить наши представления о гуманитарной науке сегодня, в связи с обращением автора к таким работам, как: [Розин 1997] – о гуманитарной парадигме в психологии; [Мусхелишвили, Шрейдер 1995].

В том же журнале «Философские исследования» (2004/2) особенно привлекает в связи с нашей темой статья Г. П. Юркевича «Философия и философование» с его базовыми тезисами: «Философия не наука», «Философия не мировоззрение», «Философия – это искусство» и далее (со ссылкой на А. Л. Никифорова) формирование нового термина как направления гуманитарной науки – «Ф и л о с о ф о в е д е н и е».

Приведенная здесь совокупность терминов – лишь частный пример того, что вообще характеризует гуманитарную науку. Она всегда представляет собой «и с с л е д о в а т е л ь с к о е п р е д м е т н о е п о л е», а не «точку». И это не только в «ведущих» и «столичных» изданиях, но именно во всем «поле». Сравним, к примеру, широкий по составу авторов сборник «Философия в российской провинции» [Касьян 2003] (сборник имеет подзаголовок «Нижний Новгород XX век») или блестящие работы представителя саратовской школы В. С. Юр—ченко (1927–1998) «Языковое поле. Лингвофилософский очерк» [Юрченко 1996], «Очерки по философии языка и философии языкознания» [Юрченко 2000].

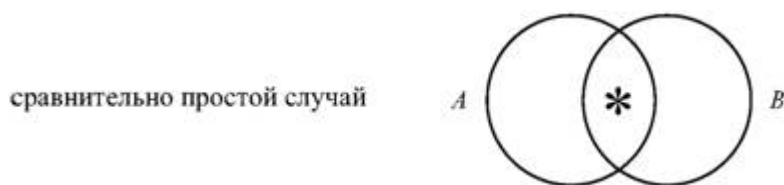
А в плане тематических границ «предметного поля» упомяну свою собственную «начальную» работу 1975 г. «Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики» [Степанов 1975].

Теперь вернемся еще раз к нашей упомянутой Конференции 2006, к профилируемым в ней изотемам.

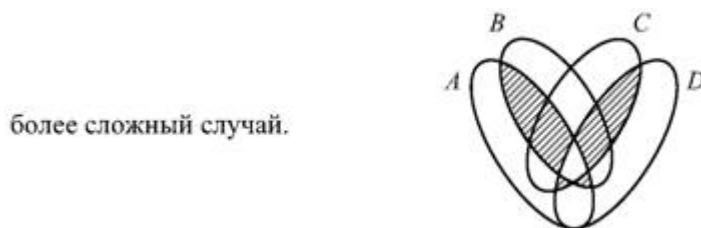
4. Изотема 4

Язык, языки. Языки в «волновой теории» И. Шмидта & Диаграммы Венна & Концепция «семейных сходств» Л. Витгенштейна

Термин «волновая теория» возник в языкознании применительно к индоевропейским языкам в замечательной работе немецкого языковеда И о х а н н а Шмидта 1872 г. «Отношения родства индогерманских языков» [Schmidt 1872] (в духе того времени «индогерманскими» названы индоевропейские языки, «отношения родства» по тогдашней немецкой орфографии). На детальнейше обследованном материале И. Шмидт показал, что о д н и и т е ж е к о р н и (с необходимым учетом изменений их форм) распределяются по этим языкам «пучками», или «группами»: одна какая—либо группа корней оказывается в одной какой—нибудь группе языков (скажем, северных), другая в другой (скажем, германских и славянских), третья в третьей (скажем, балтийских и германских), четвертая в четвертой (скажем, балтийских и славянских) и т. д., таким образом, языки в своих объемах (множество корней) пересекаются. Пересечения могут быть выражены также диаграммами Венна (Дж. Венн, 1834–1923). Например:

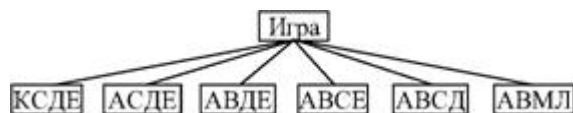

Приведем только один пример того, как выглядит графически предложение « A , которые есть B , совпадают с C , которые есть D », т. е. предложение $AB = CD$:

Более сложный, второй случай выражает предложение $ABCD + ABCD + + ABCD + ABCD + ABCD + ABCD = 0$, т. е. здесь нет таких AB , которые не были бы CD , и таких CD , которые не были бы AB , и следовательно, нет таких AB , которые не являются CD .

Л. Витгенштейн («Philosophical Investigations» [Wittgenstein 1953]) применил «Теорию волн» 1872 г. (не упоминая ни концепции, ни ее автора) к своей концепции «семейных сходств»: в многочисленных семьях каждый из детей по—разному похож на всех других, но полностью не тождествен ни одному. Таким способом Витгенштейн пытался определить слово «Игра», состоящее из признаков многих разных игр:

«Теория семейных сходств» в разных подходах использовалась сторонниками Л. Витгенштейна и во всех случаях отвергалась советскими философами (см., напр., И. С. Нарский в кн. [Богомоллов и др. 1978, 199]), не было обращено только (поскольку не обращено самим их источником) внимания на настоящую исходную реальность – сам язык в его социальной и на местности обустроенной реальности, – см. выше.

Для нас «волновая теория» является источником нашей концепции изотем.

5. Изотема 5

Дискурсы гуманитариев & Ценозы биологов (А. Тьюринг, Б. Н. Белинцев и др.) & Ценозы социологов (Б. И. Кудрин, Жан Бодрийяр)

В этой связи **О. Г. Ревзина** подчеркивает то, что выше мы назвали «глубоким вертикальным разрезом»: «Дискурс как информационная структура представляет собой хранилище разных видов знаний. Дискурсные формации представляют собой спецификацию знаний для их применения» [Ревзина 2005: 72] (Разрядка моя. – Ю. С.). Этот тезис О. Г. Ревзиной очень важен не только в плане названной конференции, но и в плане современной гуманитарной науки вообще. Он является ответом (в тексте статьи широко развернутым) на упрек некоторых наблюдателей извне, будто такие широкие конференции – это доклады ни о чем конкретно. Подчеркивая, вслед за М. Фуко, роль художественного дискурса, автор статьи делает «широкий горизонтальный разрез»: «Живучесть художественного дискурса (во всем многообразии его исторических модификаций) заставляет думать о некоей сверхпрагматике...» Она «состоит в подтверждении идентификации человека как творца, который – искушаемый дьяволом или благословляемый Богом, мог бы мыслить о себе, как Мандельштам: „И я когда—нибудь прекрасное создам...“» [Ревзина 2005: 77].

Алан Матисон Тьюринг (1912–1954) является, по мнению «вступителя» (автора Вступительного слова), ключевой личностью, – как человек, который, с одной стороны, создал идеализированную модель машинного вычислительного процесса, «**машину Тьюринга**», а с другой, – тончайшее обоснование биологического «Автопоззиса». Перед концом жизни он выпустил «Химические основы морфогенеза» (1951–52 гг.) [Turing 1952]. В этой работе он писал: «Моя цель – обсудить возможный механизм, которым гены той или иной зиготы могут определять анатомическое строение результирующего организма» [Turing 1952: 37]. Здесь буквально и прямо указано на то, что в рамках нашей конференции названо «Автопоззисом», «Автомодельностью» или «Autopoetica» и проходит в линии другой изотемы ниже.

Как отмечено выше, участники конференции образуют «изотематизм» не только идей, но и стиля. Так, Тьюринг, на взгляд «вступителя», касается того же, чего коснулись В. В. Фещенко и особенно О. Г. Ревзина в ее идее «сверхпрагматики», – «творчества, побуждаемого Богом». Вот каким образом это конкретно проступает.

Тьюринг после ряда интереснейших выводов, которые я не могу профессионально математически развить, подводил читателя к работе **Дж. Х. Джинса** (1927 г.) «Математическая теория эластичности и магнетизма»: «Хорошо известно, что любая функция на поверхности сферы, или по крайней мере любая, которая сходным образом возникнет в какой—либо физической проблеме, может быть „расширена в сферические поверхностные гармоники“ (can be „expanded in spherical surface harmonics“) [Turing 1952: 70]. Идею гармонического анализа, „гармоник“ по существу развивает и В. В. Фещенко в ряде своих докладов и статей, хотя, кажется, без самого термина „гармоники“ (см., например, [Фещенко 2006б], а также его „параллельные портреты“ братьев Я. и М. Друскиных в связи с книгой Михаила Друскина „Вопросы музыкальной драматургии оперы“ [Друскин 1952]).

Семиотикам известно и то, что первой европейской книгой по семиотике была изданная Дж. Валлисом в Лондоне в 1682 г. работа Птолемея «Гармоника» (см. далее **И з о т е м а 5**).

Б. Н. Белинцев (1952–1988) в нашей науке может считаться прямым продолжателем А. Тьюринга в силу своей работы «Физические основы биологического формообразова-

ния» [Белинцев 1991]. В Предисловии к ней **М. В. Воль—кенштейн** писал: «В чем состоит значение данной книги для биолога? Морфогенез – одна из наиболее глубоких и „вечных“ проблем биологии. Разрешить ее – значит понять, каким образом в ходе индивидуального развития, а также органической эволюции из относительно однородных зачатков возникают сложнейшие пространственно упорядоченные структуры. Долгое время казалось, что проблема эта сугубо биологическая, что явления морфогенеза не только не могут быть объяснены физическими законами, но даже им противоречат. Лишь сравнительно недавно, в середине 50–60–х годов нашего века наметились достаточно содержательные (а не прежние чисто декларативные) возможности подхода к морфогенезу как к физическому процессу. Однако вплоть до самого последнего времени и эти возможности выражались, главным образом, в построении „демонстративных“ моделей, которые показывали, как мог бы, в принципе, протекать биологический морфогенез, но которые очень плохо или вовсе не стыковались с реальными биологическими данными. Это, естественно, порождало скепсис биологов по отношению к физическим и модельно—биологическим подходам, рождало мнение, что физико—математические подходы к морфогенезу – не более чем некоторая ни к чему не обязывающая игра.

Работы Б. Н. Белинцева – одни из первых, в которых сделаны весьма существенные шаги на пути смыкания эмпирических данных современной биологии развития с физико—математической теорией. Мне не известны в мировой науке другие работы, где физическая теория развития поставлена на столь прочный биологический фундамент».

Что же сделал Б. Н. Белинцев и о чем рассказано в книге?

Б. Н. Белинцев сформулировал основы теории самоорганизации развивающегося зародыша. В 1952 г. Тьюринг опубликовал статью, озаглавленную «О химической основе морфогенеза». В этой работе было показано, что открытая химическая система, в которой реализуются автокаталитические реакции и диффузия, способна к самоорганизации – в результате неустойчивости возникает неоднородное распределение вещества в пространстве, происходит нарушение симметрии.

Б. Н. Белинцев показал, что морфогенез не сводится к чисто химическим явлениям. Важнейшую роль здесь играют механохимические процессы. Физико—математическая модель Б. Н. Белинцева использует теорию нелинейных дифференциальных уравнений. «В нелинейных диссипативных системах реализуются неустойчивости и бифуркации. Установлены условия, при которых в клеточных пластах возникают спонтанные переходы с понижением симметрии, т. е. самоорганизация. В книге с помощью этих моделей исследованы конкретные биологические системы» [Волькенштейн 1991: 7–8].

Понятие с а м о о р г а н и з а ц и и возникнет далее в нашей другой изотеме – 10.

Представитель новой науки о ценозах, **Б. И. Кудрин**, главный редактор междисциплинарного журнала «Общая и прикладная ценология», в аннотации об издании журнала пишет: «При подготовке специалистов высшей квалификации все большее значение приобретают изучение эволюционных изменений и необходимость решения глобальных и частных проблем, с которыми приходится сталкиваться при управлении сообществами (*cenose*, *cenosis*), образующимися в физической, биологической, технической, информационной, социальной реальностях. Речь идёт о замеченных и уже обсуждающихся в течение более чем 100 лет законах и закономерностях, определяющих разнообразие и одинаковость.

В России с 1996 г. ежегодно проводятся международные и общероссийские научно—практические конференции и семинары, посвящённые исследованию ценозов, а в области самоорганизации, синергетики, фрактальности, нелинейности – ежемесячные обсуждения междисциплинарного подхода, к которым привлечены крупнейшие отечественные и зарубежные учёные».

В русле технического ценоза возникают новые – для всей науки, как «цено—логии», так и чисто гуманитарной, – термины, например, «э н е р г и к а», отличный от общеизвестного «энергетика». Доклад Б. И. Кудрина носит по существу программный характер как для лексикологов—гуманитариев, так и «технарей» – «Проблема создания словаря для новых областей технического знания», в кн.: [Гуманитарная наука сегодня, 2006: 13].

Поскольку конкретным объектом науки о ценозах оказываются самые различные произведенные человеком предметы, артефакты, в противопоставлении их созданиям природы, то тем самым фактически открывается новое глобальное разделение наук – наука об артефактах и наука о «натурфак— т а х», как, скажем, система Линнея.

Жан Бодрийяр, кажется, первый спросил: «Поддается ли классификации буйная поросль вещей – наподобие флоры или фауны, где бывают виды тропические и полярные, редкие мутации, исчезающие виды? В нашей городской цивилизации все быстрее сменяют друг друга новые поколения продуктов, приборов, „гаджетов“, в сравнении с которыми человек выступает как вид чрезвычайно устойчивый... бытовые вещи стремительно размножаются, потребностей становится все больше... Так возможно ли расклассифицировать этот мир вещей, меняющийся на глазах?..» [Бодрийяр 1995: 3].

Кажется, что Франция, как всегда, всех опередила и, как всегда, захватила все «социальное», поскольку Ж. Бодрийяр еще раньше выпустил другую книгу на тот же сюжет – «Общество потребления. Его мифы, его структуры» [Bau—drillard 1970]. Русского перевода вовремя не появилось, поскольку не появилось самого достаточного потребления.

Впрочем, нельзя не отметить, что «сытно потребляющая» Франция не во всем опередила Россию. Вот как раз в этом ужасе потребления вспомнили и Россию. Первая глава у Бодрийяра называется: «Подлинная литургия по объекту потребления», а всей книге предпослан (данный, по—видимому, издателем) эпиграф из **Ф. Достоевского** («Записки из подполья», I, VIII):

Да осыпьте его [человека] всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, [– так он вам и тут, человек—то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает]. (О Достоевском ниже в разделе о «Национальных концептах».)

Впрочем, во французском переводе слова, взятые нами в скобки, опущены.

Таким образом, тема о дискурсах и ценозах, начатая здесь безобидным дуновением вроде опахала против мух, – неизбежно, как всегда и получается в гуманитарной науке, переходит в плотные сюжеты о зле, кровавости и конфликтах, заложенных в природе человека. И это – наши следующие изотемы (особенно 6).

6. Изотема 6

Концептный анализ и роль имени в языке науки Генрих Шлиман, археолог Трои & Зигмунд Фрейд, археолог психоанализа

Содержание настоящего очерка – по—прежнему «тонкая пленка» цивилизации. Мы намерены обратить внимание на одну ее своеобразную изоглоссу (или «изофору»). Г. Шлиман из—за своих слишком глубоких раскопок древней Трои на холме Гиссарлык (копал прямо по вертикали, в глубину) «проскочил» мимо подлинной Трои эпохи Троянской войны, которая осталась выше.

По современным научным представлениям, то место, где (по вертикали) копал Г. Шлиман, включает в себя 9 слоев – 1-й снизу (т. е. в самой глубине) – это «первая Троя», V тыс. до н. э.; «Троя Шлимана» – 6-я, ок. 1300 г. до н. э.

Как же теперь ответить на вопрос «Где находится Троя, которую открыл Г. Шлиман?» С одной стороны, это все то же м е с т о, н а з ы в а е м о е Т р о е й, но это лишь при условии, что мы называем его «по поверхности», и совсем другое, а именно 6-е снизу, если мы называем его в глубину, «по вертикали»? Но, кажется, никто не указывает, скажем, Москву или Париж как «место по вертикали».

Все такие понятия, как место, дата, адрес и т. п. являются не только материальными, но ментальными, или даже логико—математическими (как будет показано ниже).

Но вернемся к З. Фрейду.

Подобно Г. Шлиману, З. Фрейд из—за своих тонких изысканий, из—за слишком глубинного психоанализа, ушел вниз; «тонкая пленка цивилизации» – и в этом состоит ее подлинная, актуальная для нас «тонкость» – на самом деле не так тонка, как всюду мыслилось Фрейду, часто лежит не в подсознании, а просто в сознании, хотя и достаточно тонком.

Можно сказать и несколько иначе. «Тонкость» сознания, которую мы рассматриваем в нашем случае, все же достаточно тонка, но лежит не там, где «тонкость Фрейда». Ниже рассмотрим два сопоставимых «случая».

Наш фрейдовский пример – знаменитый «Эдипов комплекс», открытый З. Фрейдом. Но для начала один характерный штрих. После тончайших утверждений самого З. Фрейда другое из последних по времени в этом ряду – замечание З. Вендлера (1986): «Эдип знал, что он женат на Иокасте. Не знал же он того, что он женат на собственной матери. Все же на самом деле брак Эдипа с Иокастой равнозначен браку Эдипа с собственной матерью. Следовательно, если верно, что его трагедию вызвал брак с собственной матерью, то должно быть верным и то, что его трагедию вызвал брак с Иокастой (хотя второе из двух утверждений менее информативно)» (цит. далее работа, с. 272). Но тогда «на самом деле» сложнейшим переживаниям Эдипа и сложнейшим описаниям З. Фрейда, может быть, еще более сложным, чем само описываемое переживание, в сущности предшествует очень простой факт – неудачная женитьба? Но что такое «факт»? Об этом ниже.

«Случай Шлимана» – роль имени в языке науки

Описание этого случая мы продолжим как описание вообще «тонкости сознания», начатого выше по Б. Расселу, далее по Р. Декарту, П. С. Попову и другим авторам (в тексте выше). Следовательно, это будет не столько «психологическая» тонкость, сколько «математико—логическая».

Предварение к этому «Случаю»

– Из работы А. Черча «Введение в математическую логику» [Черч 1960, 1: 345]. Нам потребуется схема описания имен, сделанная по Фреге – Черчу: ею служит *т р е у г о л ь н и к*, в одной вершине которого помещается «*д е н о т а т*», т. е. тот предмет (вещь), который называет (обозначает) данное имя; в другой вершине – само «*и м я*», т. е. любой материальный способ это имя обозначить – именем может быть, вообще говоря, любой знак, лишь бы он отличался от всех других знаков—имен (обычно слово языка, отдельная буква, музыкальная нота или ее специальная буква, и т. п.); в третьей вершине помещается «*к о н ц е п т*», или «смысл» имени, например, Вальтер Скотт как имя денотата («вещи» или «человека» – для введения в теорию имен это отличие несущественно) имеет смысл, т. е. *к о н ц е п т* «автор романа „Вэверлей“».

Далее Фреге (и, конечно, Черч) вводят еще одно явление схематизации в теории имен. Представим себе, что наш треугольник на схеме может вращаться, но так, что сущности, которые до этого были обозначены словами «денотат», «имя», «концепт», – остаются указанными в той же плоскости, т. е. то, что было «именем», займет место денотата, и т. д.

Например, если слово (т. е. имя) *карандаш* означает общеизвестный предмет для писания на бумаге (это при начале – денотат), то теперь, при повороте треугольника, материальный предмет для писания, денотат карандаш, будет служить именем (например, когда требуется не называя или не зная имен дать понять, о чем идет речь путем показа предмета – карандаша). В павловских опытах по условным рефлексам часто рассматривается такая ситуация: собака, приученная к звонку как к сигналу подачи пищи, идет и берет пищу. В связи с этой ситуацией философы языка (семиотики) ставят такие, например, вопросы: останется ли звонок знаком (соответственно, любой знак – именем) при отсутствии воспринимающей его собаки? Интереснее, однако, парадокс самой ситуации, т. е., можно сказать, «парадокс треугольника Фреге»: именем будет не имя *собака* для концепта 'собака' (например, в лаборатории, где наблюдатель рассматривает все из—за стекла), а сама собака для концепта 'собака'.

Важнее всего для Черча такое перемещение, также введенное Г. Фреге: то, что при названном сначала обозначении (его называют «*п р я м ы м*» употреблением имени – англ. *ordinary*) было денотатом имени, перемещается в ячейку «концепт», т. е. «смысл» (такое перемещение называют «*к о с в е н н ы м*» употреблением имени – англ. *oblique*).

Теперь мы можем продолжить «случай Шлимана» (по Черчу, это его с. 345):

В предложении «Шлиман искал местоположение Трои» имена «Троя» и «местоположение Трои» употреблены косвенным образом, потому что искать местоположение Трои – это не то же самое, что искать местоположение другого города, определенного другим концептом, даже если эти два города и имеют одно и то же местоположение (что может быть и неизвестным ищущему). (В тексте А. Черча Шлиман с двумя «н». – Ю. С.) (Наше отступление: это рассуждение А. Черча может показаться непривычному читателю несколько излишне запутанным; проще было бы сказать (как оно и было в действительности во время Шлимана), что Шлиман искал Трою, т. е. город, называемый *Троей*. – «Где называемый так?», – а там же, где он искал и «местоположение». – В легендах, в истории, в поэмах Гомера. – Ю. С. Продолжаем текст А. Черча.)

По теории содержания собственных имен Фреге, которой мы придерживаемся, предложение «Шлиман искал местоположение Трои» утверждает, что некоторое отношение существует не между Шлиманом и местоположением Трои (так как Шлиман мог искать местоположение Трои и при том условии, что Троя была лишь легендарным городом и ее местоположение никогда не существовало), а между Шлиманом

и определенным концептом, а именно концептом, выражаемым именем «местоположение Трои». Это, однако, не означает, что предложение «Шлиман искал местоположение Трои» («Schliemann sought the site of Troy») утверждает то же самое, что и «Шлиман искал концепт, выражаемый именем „местоположение Трои“» («Schliemann sought the concept of the site of Troy»). Напротив, первое предложение утверждает существование определенного отношения между Шли—маном и концептом, выражаемым именем «местоположение Трои» («the concept of the site of Troy»), и это предложение истинно; второе же предложение утверждает существование такого же отношения между Шлиманом и концептом, выражаемым именем «концепт, выражаемый именем „местоположение Трои“» («the concept of the concept of the site of Troy»), и это предложение, по всей вероятности, ложно. Отношение, существующее между Шлиманом и концептом, выражаемым именем «местоположение Трои», не передается глаголом *искать*, и употребление этого глагола может ввести в заблуждение.

Рассуждение А. Черча все же, на наш взгляд, остается излишне сложным. Искать «местоположение Трои» это, с точки зрения обыденного, обычного употребления языка, просто то же, что «искать Трою». Имя места и является его адресом – как «по горизонтали», в тригонометрической сетке, так и «по вертикали», на глубину, куда хотел проникнуть Шлиман.

Необходимость ввести «концепт, выражаемый именем „местоположение Трои“», то есть ввести „имя концепта“, в данном случае не возникает вовсе. Можно, конечно, представить себе, что такая необходимость могла бы возникнуть, когда Шлиман уже нашел что—то, „какой—то город“, на том месте, где считалась существующей Троя; и ее потребовалось бы в смысловом отношении, „концептуально“, отделить от всего, что найдено на этом месте, – например, на

разной глубине. Но пока, в данном рассказе, такой необходимости как будто не возникает.

Во всяком случае, этот пример показывает, что «проблема имени» – нечто более сложное, чем проблема «местоположения» и «концепта», т. е. «знания, опознания, отождествления по существу».

Но мы, в данной книге, и занимаемся прежде всего **я з ы к о м и и м е н а м и**.

Проблема имени связывается для нас также и со «случаем Фрейда».

«Случай Фрейда» – роль имени в языке

Под этим названием мы рассмотрим, конечно, не какую—нибудь из медицинских «историй болезней», изучавшихся Фрейдом, а один его л о г и ч е с к и й способ рассуждения, подобный тому, который мы нашли в эпизоде логики Фреге – Черча.

Если там, у Шлимана, жизненным материалом послужили раскопки Г. Шлимана в месте, называемом исторически «Троей», то здесь нашим логическим материалом будет один из любимых «случаев» З. Фрейда – патологические, во всяком случае «нетрадиционные», отношения героя – молодого мужчины к жене своего родного отца, т. е. к своей родной матери. Это так называемый «Э д и – пов комплекс» (поскольку имя молодого человека было Эдип). Но для нас вначале важен прежде всего культурологический аспект.

В основе истории З. Фрейда лежит древнегреческий миф, как всегда в Греции имеющий свою длительную предысторию с многочисленными побочными эпизодами. Но это—то и важно для «случая» Фрейда, который и состоит в тщательном, слой за слоем, снятии пластов подсознания, пока психоаналитик не дойдет до скрытого глубинного пласта, лежащего в основе заболевания—невроза.

Миф об Эдипе – роль имени вообще

Отцом Эдипа был Лай (или, в другом написании, Лаий), он женился на Иокасте и правил Фивами. Опечаленный тем, что у него долгое время не было детей, он обратился к Дельфийскому оракулу, который ответил, что это не несчастье, а благодеяние, поскольку любой ребенок, рожденный Иокастой, станет его убийцей.

(Миф объясняет и то, почему боги назначили это несчастье—благодеяние.

Дело в том, что Лай в какое—то время был беженцем из родного города и ему оказал гостеприимство царь Пелопс, Лай учил его сына Хрисиппа езде на колеснице, но затем влюбился в него и на колеснице же похитил его и увез в Фивы. Хрисипп не стерпел позора и покончил жизнь самоубийством. Позор, по греческим представлениям, состоял не в том, что взрослый мужчина овладел юношей, а в том, что насильно увез его из родительского дома.)

Узнав возведенное оракулом, Лай стал избегать Иокасту, не объясняя ей настоящей причины. Иокаста пребывала в бешенстве и однажды напоила мужа допьяна. Не успела опуститься ночь, как он оказался в ее объятиях.

Когда девять месяцев спустя Иокаста произвела на свет сына, Лай выхватил его из рук кормилицы, проткнул ему гвоздем ножки и, крепко связав их, отнес на гору Киферон.

Однако богини судьбы распорядились, чтобы ребенок не погиб (ведь воля богов продолжает действовать), а дожил до преклонного возраста. Из—за поврежденных и постоянно опухающих ног его с детства прозвали Эдип (греч. *Oἰστυς*, лат. *Oedipus*) «опухлоногий».

Коринфский пастух нашел мальчика (он и дал ему имя Эдип) и отнес в Коринф, где в то время правил царь Полиб и его жена Перибей. В свое время Эдип, над которым все товарищи смеялись из—за того, что он совсем не похож на своих предполагаемых родителей, тоже отправился к оракулу и там, так же, как раньше Лай, узнал, какое будущее его ожидает: «Ты убьешь своего отца и женишься на своей матери!» Так как Эдип любил Полиба и Перибей и не допускал и мысли причинить им горе, он решил больше не возвращаться в Коринф. (Здесь снова нам открывается поразительная подлинность греческих мифов: сколько сейчас у нас детдомовских детей любят своих приемных родителей как единственных, подлинных и любимых, не желая даже увидеться с бросившими их «биологическими».)

На узкой дороге, идя пешком от оракула из Дельф, он повстречался с Лаем, который направлялся, наоборот, в Дельфы, к оракулу, чтобы узнать, как освободить Фивы от Сфинкса (в рус. обозначении иногда также Сфинкс в жен. роде). Лай был на колеснице и грубо приказал Эдипу уступить дорогу, – тем, кому он должен поклониться. Эдип ответил, что поклоняется только богам и своим родителям.

«Тем хуже для тебя!» – закричал Лай и приказал своему возничему погонять дальше. Колесо задело ногу Эдипа (больную ногу), и тот в ярости пронзил возничего копьем. Лай запутался в упряжи, оказался брошенным наземь, лошади под ударами Эдипа понесли, и царь погиб.

После убийства Лая Эдип отправился в Фивы, победил Сфинкса, и благодарные фиванцы провозгласили Эдипа царем. По закону он должен был стать супругом жены погибшего царя, то есть мужем Иокасты. Так сбылось пророчество богов.

Здесь мы должны обратиться к одному из основных произведений З. Фрейда – книге «Я и Оно» («*Das Ich und das Es*»), писалась в 1922 г., издана в 1923. – Здесь цит. по изд. «Зигмунд Фрейд. Хроника—хрестоматия. Составители Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. М., „Флинта“, 1999. С. 283 и сл.). Непосредственно к нашей теме относится финальная часть размышления о природе „Сверх—Я“.

Как бы ни окрепла в дальнейшем сопротивляемость характера в отношении влияния отвергнутых привязанностей к объекту, все же действие первых, имевших место в самом раннем возрасте идентификаций будет широким и устойчивым. Это обстоятельство застав-

ляет нас вернуться назад к моменту возникновения Идеала—Я, ибо за последним скрывается первая и самая важная идентификация индивидуума, именно – идентификация с отцом в самый ранний период истории развития личности. Такая идентификация, по—видимому, не есть следствие или результат привязанности к объекту; она прямая, непосредственная и более ранняя, чем какая бы то ни было привязанность к объекту. Однако выборы объекта, относящиеся к первому сексуальному периоду и касающиеся отца и матери, при нормальных условиях в заключение приводят, по—видимому, к такой идентификации и тем самым усиливают первичную идентификацию.

Отношения эти так сложны, что возникает необходимость описать их подробнее [...]

Упрощенный случай для ребенка мужского пола складывается следующим образом: очень рано ребенок обнаруживает по отношению к матери объектную привязанность, которая берет свое начало от материнской груди и служит образцовым примером выбора объекта по типу опоры (An—lehnungstypus); с отцом же мальчик идентифицируется. Оба отношения существуют некоторое время параллельно, пока усиление сексуальных влечений к матери и осознание того, что отец является помехой для таких влечений, не вызывает Эдипова комплекса. Идентификация с отцом отныне принимает враждебную окраску и превращается в желание устранить отца и заменить его собой у матери. С этих пор отношение к отцу амбивалентно, создается впечатление, будто содержащаяся с самого начала в идентификации амбивалентность стала явной. «Амбивалентная установка» по отношению к отцу и лишь нежное объектное влечение к матери составляют для мальчика содержание простого, положительного Эдипова комплекса.

При разрушении Эдипова комплекса необходимо отказаться от объектной привязанности к матери. Вместо нее могут появиться две вещи: либо идентификация с матерью, либо усиление идентификации с отцом. Последнее мы обыкновенно рассматриваем как более нормальный случай, он позволяет сохранить в известной мере нежное отношение к матери. Благодаря исчезновению Эдипова комплекса мужественность характера мальчика, таким образом, укрепились бы. Совершенно аналогичным образом Эдипова установка маленькой девочки может вылиться в усиление ее идентификации с матерью (или в появлении такой), упрочивающей женственный характер ребенка.

Эти идентификации не соответствуют нашему ожиданию, так как они не вводят оставленный объект в Я; однако и такой исход возможен, причем у девочек его наблюдать легче, чем у мальчиков. В анализе очень часто приходится сталкиваться с тем, что маленькая девочка, после того как ей пришлось отказаться от отца как любовного объекта, проявляет мужественность и идентифицирует себя не с матерью, а с отцом, т. е. с потерянными объектом. Ясно, что при этом все зависит от того, достаточно ли сильны ее мужские задатки, в чем бы они ни состояли.

Таким образом, переход Эдиповой ситуации в идентификацию с отцом или матерью зависит у обоих полов, по—видимому, от относительной силы задатков того или другого пола. Это один способ, каким бисексуальность вмешивается в судьбу Эдипова комплекса. [...]

В самом деле, возникает впечатление, что простой Эдипов комплекс вообще не есть наиболее частый случай, а соответствует некоторому упрощению или схематизации, которая практически осуществляется, правда, достаточно часто. Более подробное исследование вскрывает в большинстве случаев более полный Эдипов комплекс, который бывает двояким, позитивным и негативным, в зависимости от первоначальной бисексуальности ребенка, т. е. мальчик находится не только в амбивалентном отношении к отцу и останавливает свой нежный объектный выбор на матери, но он одновременно ведет себя как девочка, проявляет нежное женское отношение к отцу и соответствующее ревниво—враждебное к матери. Это вторжение бисексуальности очень осложняет анализ отношений между первичными выбо-

рами объекта и идентификациями и делает чрезвычайно затруднительным понятное их описание. Возможно, что установленная в отношении к родителям амбивалентность должна быть целиком отнесена за счет бисексуальности, а не возникает, как я утверждал это выше, из идентификации вследствие соперничества.

Я полагаю, что мы не ошибемся, если допустим существование полного Эдипова комплекса у всех вообще людей, а у невротиков в особенности. [.]

Таким образом, можно сделать грубое допущение, что в результате сексуальной фазы, характеризуемой господством Эдипова комплекса, в Я отлагается осадок, состоящий в образовании обеих названных, как—то согласованных друг с другом идентификаций. Это изменение Я сохраняет особое положение: оно противостоит прочему содержанию Я в качестве Идеала—Я или Сверх—Я.

7. Изотема 7

Конфликтология

Агрессия во зло & Агрессия во благо (Ю. В. Монич и др.)

Конфликтология вообще – одно из самых интересных явлений современной гуманитарной науки: реальный конфликт с кровопролитием, столкновениями масс и т. д. публикуется в научное исследование о нем. Из новейших российских работ: «Стабильность и конфликт в Российском приграничье. Этно—политические процессы в Сибири и на Кавказе» [Стабильность 2005] – «Научно—образовательный форум по международным отношениям» (Отв. редакторы названного сборника **В. И. Дятлов и С. В. Рязанцев**). Вводится новый термин «п о л и э т н и ч н о с т ь», отмечается, что «по свидетельству известного российского этнолога **В. А. Тишкова** этничность и полиэтничность представляют собой форму социальной организации культурных различий» [Стабильность 2005: 12].

Молодой «философ языка» **Ю. В. Монич** стал известен своей яркой книгой «К истокам человеческой коммуникации. Ритуализированное поведение и язык» [Монич 2005]. Материалом работы Ю. В. Монича послужили исследования предыстории и древних периодов истории языка и социальных коммуникаций населений.

Базовые положения его концепции гласят: «Средства регуляции агрессии: ритуализация и социосозидательные функции ритуализованных действий» (гл. 2), «Средства регуляции психических реальностей. Переход от реагирования к моделированию» (гл. 3). Среди важных тезисных пунктов: «Агрессия во зло» и «Агрессия во благо» в связи с работами Конрада Лоренца.

Во многом сходные положения **И. Н. Черкасовой—Цвергер** основаны на ее личном опыте работы с французско—русскими текстами, связанными с событиями в европейском ареале, такими как «Молодежная революция» 1968 г. и 2005 г. в Парижском районе, поджоги автомобилей, – откуда и название темы «Парижский синдром», – а также на опыте исследования отношения французов к событиям в России (травля Б. Пастернака, изгнание А. И. Солженицына).

И. Н. Черкасова—Цвергер (в имеющемся у меня тексте в кн. [Гуманитарная наука сегодня 2006]) говорит о том, что она называет «псевдо—специализацией дискурса»: «В описываемый нами (ею. – Ю. С.) период, период тоталитаризма в России, принадлежность к определенному комплексу идей определяет видовую принадлежность человека. Точно так же, как в животном царстве (выше мы уже подчеркнули от себя аналогию между дискурсом и ценозом. – Ю. С.) видовая принадлежность определяется морфологией и ритуализованным типом поведения».

Таким образом, понятия «дискурсы» и «ценозы», возникшие в нашей и з о– теме 2, оказываются связанными и в этом, в известной мере заключительном, ее пункте.

Здесь мы кратко остановимся на узловых пунктах книги Ю. В. Монича. Он справедливо напоминает, что еще в 1865 г. Парижское лингвистическое общество прописало в своем уставе, что оно отказывается от принятия к рассмотрению каких бы то ни было работ, касающихся проблемы происхождения языка. Тогда это было вынужденной мерой, призванной оградить науку от захлестывающего ее потока разнообразных, большей частью полуфантастических спекуляций на эту тему, не имевших под собой хоть сколь—либо надежной эмпирической базы. Хотя Парижское общество вовсе не ставило перед собой цели предписать свое локальное «табу» всему ученому миру, оно все же было молча принято к исполнению фактически всеми прогрессивными научными школами, ясно осознававшими, что наука еще

не созрела для решения подобных проблем. И далее он четко формулирует научную ситуацию.

Несмотря на то, что с тех пор прошло уже почти полтора века, за которые как лингвистика, так и смежные с ней дисциплины существенно продвинулись вперед в своем развитии, отмеченная проблематика так и находится на самой отдаленной периферии круга приоритетности стоящих перед лингвистикой задач. До сих пор еще исследования в этом направлении носят факультативный характер и рассматриваются скорее как упражнения в философствовании, позволительные только для состоявшихся авторитетов. Такое маргинальное положение проблемы языковых истоков, разумеется, обусловлено отнюдь не отсутствием к ней интереса: вопросы, связанные с происхождением языка, всегда были и остаются в числе самых животрепещущих для стремящегося к познанию собственных истоков человеческого мышления. Однако происхождение языка – проблема комплексная, и достичь каких-либо успехов в ее решении можно лишь адекватной ее комплексности консолидацией усилий, исходящих из различных областей знания.

Ю. В. Моничу, естественно, оказывается необходимым сделать еще несколько общих утверждений типа преамбул:

Все наблюдающиеся на сегодняшний день в лингвистике гипотезы о происхождении языка характеризуются тем, что они ограничиваются общими схемами относительно того, как и в каких условиях язык мог бы зародиться, тогда как эмпирическая сторона коммуникации – как языковой, так и предшествующей языку – обычно остается вне всякого анализа. И в отечественных, и в зарубежных публикациях на эту тему наблюдаются лишь отсылки к наборам сигналов у животных наряду с поверхностным скольжением по некоторым экспериментальным данным, почерпнутым из зоопсихологии и сравнительной психологии и касающимся преимущественно проблем эволюции когнитивных способностей. Этологической ветви внимание уделяется только в зарубежной литературе, тогда как у нас она оказывается чуть ли не в полном небрежении. Исключением здесь является лишь, пожалуй, недавно вышедшая в свет работа А. Н. Барулина [Барулин 2002], где, впрочем, как и в зарубежной литературе, хотя и отдается должное этологическому подходу, дальше построения общих схем и разговоров о том, какие он сулит перспективы для сопоставления с языком, дело, к сожалению, не идет.

Казалось бы, для понимания данной проблемы явно недостаточно только отстраненного ретроспективного взгляда. О каких истоках языка или же преобразованиях в сфере коммуникации вообще может идти речь, если просто оказывается невозможным элементарное сопоставление языка с тем, что ему предшествовало, так как лингвист, замкнувшийся в своем предмете, даже не предпринимает никаких попыток осмысления внутренней структуры предъязыковой системы коммуникации? Но для этого, очевидно, как бы ни страшны были опасения вокруг вероятной «зооморфизации» человека или, наоборот, «антропоморфизации» животного, нужно так или иначе погружаться в мир последнего.

Существо концепции самого Ю. В. Монича заключается не в отдельных «примерах», а в том, что он оперирует м а с с о в ы м и объектами – он связывает типы агрессии

у гуманоидов с типами их биологического языкового поведения, последнее же позволяет уже констатировать наблюдаемые научные факты – типы языковых форм реакций, в частности словесных, «словных» форм реакций, зафиксированных в этимологических и исторических словарях. (Использован и предварительно лингвистически проанализирован знаменитый многотомный словарь Ю. Покорного [Pokorny 1951].)

Естественно, в рамках нашей данной книги мы можем остановиться лишь выборочно на некоторых фрагментах исследования названных «массовидных объектов».

В сфере этологии Ю. В. Монич основывается главным образом на работах Конрада Лоренца (прежде всего, на книге «Агрессия (так называемое „зло“»). Пер. с нем. М., 1994). В сфере лингвистики Ю. В. Монич опирается на свои собственные, но подкрепленные исследованиями других авторов, положения. Главное из них – неслучайно распространение формообразующих типов звуков, особенно сонорных (сонантовых), в индоевропейских языках.

Ограничимся некоторыми примерами этих сфер, указанными Ю. В. Моничем.

Из раздела этологии по Ю. В. Моничу:

1.3. Агрессия в этологии

Полемизирующий с несуществующими призраками Э. Фромм, см. [Фромм 1998] и его сторонники с удивительной то ли ловкостью, то ли слепотой проходят мимо тех положений книги К. Лоренца, которые, казалось бы, манифестированы самым очевиднейшим образом и вполне внятно говорят о том, что этологическая концепция в первую очередь имеет дело с механизмами *регуляции агрессии*, в то время как сама агрессия является не более чем *фоном*, – грубым биологическим полотном, на котором эволюция тклет тонкие и изящные формы ритуализованного поведения.

(Напомним здесь от себя, что речь идет об основной работе: Konrad Lorenz. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression. Borotha – Schoeler Verlag. Wien, 1963; имеется русский перевод (по изд. Taschenbuch Verlag, Munchen) – [Лоренц 1994]. Российские издатели в своей аннотации на данную книгу трактуют, на наш взгляд, идею К. Лоренца искаженно, говоря, что он «выделяет внутривидовую агрессию, как наибольшую опасность, грозящую человечеству в современных условиях». В действительности у него (как и у Ю. В. Монича) речь идет о «регуляции» массовых коллективных действий. В русском переводе имеется другая выдающаяся работа К. Лоренца – «Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах» // Природа, № 11, 1969. С. 42–51, к которой восходит ключевой термин «*ритуализация*» у Ю. В. Монича, И. Н. Черкасовой—Цвергер и др.)

Ю. В. Монич продолжает:

Саму же агрессию Лоренц, видимо, посчитал в своей работе излишним представлять в «анатомированном» виде. Но, возможно, ему бы следовало это сделать хотя бы для того, чтобы показать, из каких комбинаций стимулов и реакций строятся формы агрессивного поведения и где в них – хотя бы в грубом приближении – заканчивается врожденное и начинается приобретенное. Тогда, может быть, некоторым читателям и перестали бы мерещиться ужасы записанного в человеческих генах кровожадного вандализма.

Подразумеваемый Лоренцем облик агрессии можно было бы попытаться восстановить из анализа форм ее регуляции. Однако проще будет пойти иным путем, опираясь на общепринятый в биологии тезис о свойственной всему живому фундаментальной тенденции к росту и размножению, из которой и произрастают все формы агрессии.

Рассматриваемая в этом ракурсе защитная агрессия оказывается отнюдь не первичным, как считает Фромм, а вторичным продуктом, так как всегда является реакцией на агрессию вторжения. Поэтому, думается, если вести речь об изначальной природе агрессии, то ее все—таки более целесообразно было бы рассматривать как функцию роста. И здесь – как бы ни была неприятна «гидравлическая модель» Лоренца Фромму – она как раз и работает.

Истоки же механизма, обеспечивающего кроющееся за этой моделью накопление заряда экспансии, лежат на тех уровнях организации живой материи, при описании которых термин «агрессия» еще не может употребляться. В какой—то мере уже клеточная мембрана может быть представлена как сдерживающий «агрессию» роста фактор, поскольку она не только защищает клетку от неблагоприятных внешних воздействий, но призвана также сдерживать ее центробежные тенденции, задавая рамку для протекания внутренних процессов. Когда же эти тенденции больше не поддаются сдерживанию, вступает в силу механизм деления, порождающий уже две немедленно стремящиеся к росту клетки, и т. д.

Из раздела лингвистики, по Ю. В. Моничу, необходимо выделить данные о связи т и п а построения глагольного корня (его деривации) с его семантикой. Ниже цитируем Приложение – текст Ю. В. Монича (заметим, что для не—специалиста чтение этих страниц, разумеется, не является необходимым, но они призваны свидетельствовать по крайней мере о наличии данных).

Приложение к тексту Ю. В. Монича (текст его)

Таблица 1 (соотношение между типом формы и типом грамматического значения)

сонант	глагол		Σ
	нет	есть	
нет	290 (303; 303; 316)	270 (301; 318; 349)	560 (604; 621; 665)
есть	704 (691; 691; 678)	919 (888; 871; 840)	1623 (1579; 1562; 1518)
Σ	994	1189	2183

$r = +0,074$; $a = 0,0006$ ($[r = +0,058$; $a = 0,007]$, $[r = +0,041$; $a = 0,054]$, $[r = +0,026$; $a = 0,22]$)

Таблица 2 (соотношение между типом значения и деривацией)

глагол	расширение		Σ
	нет	есть	
нет	321 (313; 317; 309)	673 (681; 677; 685)	994
есть	632 (607; 609; 584)	557 (582; 580; 605)	1189
Σ	953 (920; 926; 893)	1230 (1263; 1257; 1290)	2183

$r = -0,21$; $a = 1,310^{-22}$ ($[r = -0,20$; $a = 3,0 \cdot 10^{-20}]$, $[r = -0,19$; $a = 9,1 \cdot 10^{-20}]$, $[r = -0,18$; $a = 1,4 \cdot 10^{-17}]$)

Таблица 3 (соотношение между типом формы и деривацией)

сонант	расширение		Σ
	нет	есть	
нет	387	173 (217; 234; 278)	560 (604; 621; 665)
есть	566 (533; 539; 506)	1057 (1046; 1023; 1012)	1623 (1579; 1562; 1518)
Σ	953 (920; 926; 893)	1230 (1263; 1257; 1285)	2183

$r = +0,30; a = 4,8-10$ »⁻⁴⁵ ($[r = +0,27; a = 1,110^{-37}]$, $[r = +0,25; a = 1,9-10]^{-32}$, $[r = +0,23; a = 1,5-10]^{-27}$)

Коэффициент корреляции, полученный по данным таблицы 2, отчетливо демонстрирует, что деривационные процессы явно тяготеют к образованию имен, а отнюдь не глаголов. В то же время корреляционный показатель по таблице 3 недвусмысленно говорит о том, что звучащее завершение корня находится в вовсе не случайной связи с деривационной активностью, которая превосходит таковую у оппонентов более чем в 4 раза.

[.] Думается, из сказанного со всей очевидностью вытекает, что коэффициент корреляции говорит только о том, что существует некоторая доля случаев, связанных какой-то причинно-следственной связью, но конкретный характер этой связи в нем, разумеется, никоим образом не эксплицируется. Это уже сфера исследовательских допущений.

Заканчивая здесь, по необходимости, это длинное Приложение, от себя подчеркнем лишь, что данные Ю. В. Монича доказательно разрешают один из «вечных», «роковых» вопросов лингвистики как части гуманитарной науки, – о чем свидетельствует нижеследующая итоговая таблица —

Соотношение между типом формы и типом значения (по Ю. В. Моничу)

Таблица 4 (простые корни)

сонант	глагол		Σ
	нет	есть	
нет	138	249	387
есть	183 (175; 179; 171)	383 (358; 360; 335)	566 (533; 539; 506)
Σ	321 (313; 317; 309)	632 (607; 609; 584)	953 (920; 926; 893)

$r = +0,035; a = 0,29$ ($[r = +0,03; a = 0,37]$, $[r = +0,025; a = 0,44]$, $[r = +0,019; a = 0,56]$)

Таблица 5 (расширенные корни)

сонант	глагол		Σ
	нет	есть	
нет	152 (165; 165; 178)	21 (52; 69; 100)	173 (217; 234; 278)
есть	521 (516; 512; 507)	536 (530; 511; 505)	1057 (1046; 1023; 1012)
Σ	673 (681; 677; 685)	557 (582; 580; 605)	1230 (1263; 1257; 1290)

$r = +0,27; a = 3,5-10$ »⁻²¹ ($[r = +0,20; a = 6,910^{-13}]$, $[r = +0,16; a = 1,5-10]^{-8}$, $[r = +0,11; a = 3,8-10]^{-5}$)

8. Изотема 8

Гармоникология

Гармонический (формантный) анализ в лингвистике & Гармонические ряды; ряды Фурье в математике & Второй закон термодинамики & Понятие энтропии

Термин «конфликтология» как название дисциплины, отрасли науки возник недавно – чего, естественно, и следовало ждать – и где же еще, как не в современной России, пронизанной конфликтами. Термин же «гармоникология» – под нашим пером, только для противопоставления предшествующему «конфликтологии». Вообще же понятие гармонизации всякого рода, конечно, одно из древнейших в мировой культуре. Писатель Бальзак, как считают, открыл, при хорошем обеде, один из важнейших компонентов в нем – понятие ферментов [Степанов 1971: 12].

Для культуролога естественно начать здесь с «чего—то культурологического». Начну с собственного учебного пособия, по которому в течение многих лет преподавал лингвистику студентам (книга «Основы языкознания» [Степанов 1966: 189–192]), а в нем – с единицы звучания естественной человеческой речи – импульса

Акустические характеристики (параметры) импульса. До сравнительно недавнего времени физиологи исходили из понятия звука как колебательного синусоидального движения. Приближенным его изображением считалась синусоида, представляющая размах колебаний, – д и а п а з о н. Однако, как показали более точные исследования, в природе вообще, а в речи и подавно, не встречается синусоидальных звуков. Прерывистая структура речи и наличие огромного числа обертонов не позволяют сводить речевые звуки к синусоидам.

При анализе звуков речи и голоса допустимо представлять их как совокупность простых синусоид, но это представление остается математической абстракцией, а не физической реальностью.

В современной физиологии речи принято поэтому понятие звукового импульса. Рассмотренный с акустической стороны, импульс представляет собой сложную (комплексную) звуковую волну, не сводимую к простой сумме элементарных колебательных движений. Она воздействует на орган восприятия – ухо – всей своей сложностью. Рассмотренный со стороны восприятия, импульс представляет собой минимальную предельную единицу ощущения (квант). Хотя возможны и сложные импульсы, но предельный импульс, импульс —единица неразложим. Подобные единицы ощущения обнаруживаются не только в процессе восприятия звука, но и при всех других восприятиях (цвета, обоняния и т. д.). То, что звуковой импульс неразложим, означает, что орган чувства (в данном случае ухо) реагирует на него также неразложимой единицей ощущения и физических соответствий по отдельности между элементами звукового импульса – частотой, интенсивностью и длительностью и элементами импульса восприятия – нет. Однако теоретически, как уже было сказано, для некоторых целей можно представлять импульс состоящим из более простых физических качеств – параметров. Основными параметрами звукового импульса являются интенсивность (размах колебания, сила звука), частота и длительность.

Для наглядного схематического изображения этих качеств на бумаге (т. е. в пространстве двумерном) необходимо представлять их всегда попарно, в системе координат.

Схема № 1

Интенсивность в зависимости от времени

(Горизонтальная линия (ось абсцисс) изображает время, вертикальная – интенсивность. Синусоиды A , B , C – элементарные колебания, диапазоны; фигура ABC – их сумма, дающая звуковой импульс.)

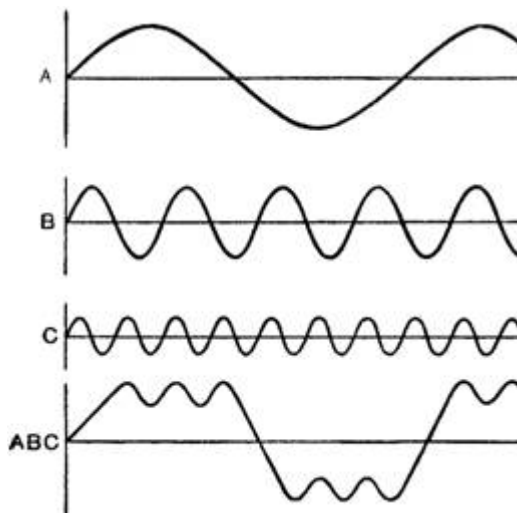

Схема № 2

Частота и интенсивность

(Вертикальные линии изображают интенсивность колебаний, представленных выше (A , B , C), горизонтальная линия изображает частоту (F); каждая вертикальная линия (интенсивность) помещена в той точке горизонтальной, которой соответствует частота этой интенсивности, или период. Эта схема представляет спектр звука в данный момент времени.)

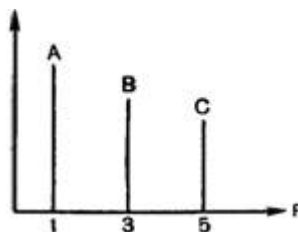
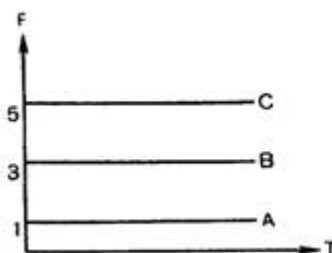

Схема № 3

(Время (T) и частота (F). В данном случае частота остается постоянной во времени, поэтому все линии частоты параллельны линии времени. Эта схема представляет гармонический анализ в течение некоторого времени.)

На приведенных схемах рассматривался простейший, так называемый квадратный импульс (ср. фиг. *ABC* на схеме № 1). Если этот импульс воспроизводится периодически и длится каждый раз время t , а от начала одного импульса до начала другого проходит время T , то T представляет период. Величина $1/T$ называется ритмом. Например, если $T = 1/10$ сек., то ритм — 10 импульсов в секунду.

Эта сложная кривая (*AEG*) может быть теоретически разложена на простые частоты. Основная частота (обозначаемая F_1) равна ритму, т. е. обратна периоду: $F_1 = 1/T$. Другие частоты гармонируют с первой («дают обертоны»).

Обертоны более частые, чем $1/T$, имеют очень слабую интенсивность, поэтому при описании ими можно пренебречь. Если мы отсекаем эту часть спектра за пределами $1/T$, то на графике углы квадрата округляются. В физиологии приходится иметь дело только с такими импульсами. То или иное изменение теоретического квадратного импульса принято называть **ф о р м о й и м п у л ь с а**.

Приборы для изучения речи. В современных акустических исследованиях речи применяются в основном три вида приборов.

Магнитофон, позволяющий легко записывать речь на ферромагнитную пленку и тотчас после записи воспроизводить ее. Пленку можно запускать на различной скорости, менять скорость воспроизведения по сравнению со скоростью записи и т. п., а также разрезать ее, что дает возможность воспроизводить изолированно отдельные моменты звучания.

Спектрографы различного типа, например, сонограф, или аппарат так называемой «видимой речи». Он дает спектрограмму звуков, т. е. график того типа, который приведен на схеме № 2. Кроме спектра частот, этот аппарат также указывает их интенсивность, давая тем более густые штрихи, чем она больше.

Аппарат синтетической речи, или синтезатор, сравнительно недавнее изобретение, основанное на достижениях электроники. Синтезатор позволяет искусственно производить гласные и до известной степени согласные, а также связные куски звучания, полностью подобные человеческой речи. Программой для работы синтезатора служат графики «видимой речи» или рисованные графики, полученные самыми различными путями. Электронное устройство считывает их и преобразует в звук.

Лучшие типы синтезаторов могут воспроизводить одновременно несколько переменных характеристик (параметров) речи:

1. основную частоту гортани — «тон»;
2. интенсивность этого тона — «громкость»;
3. интенсивность шипения — «фрикативный шум» (для согласных);
4. частоту первой форманты — F_1 ;
5. частоту второй форманты — F_2 ;
6. частоту третьей форманты — F_3 —

и, кроме того, получать одновременные сдвиги основных параметров, дающие «детский тон», «женский тон» и т. п., в наборе из 8 черт.¹ Синтезаторы позволяют производить весьма важные и доказательные эксперименты (см. § 78).

По—видимому, не часто бывает так, чтобы понятия, увлекающие человека, заинтересованного не столько гармонией, сколько звуками, связали его с наукой. Понятие «сфериче-

¹ См.: K. Hadding—Koch, Acoustico—phonetic studies in the Intonation of Southern Swedish, «Travaux de l'Institut de phonétique de Lund» publiés par B. Malmberg, III Lund, 1961, p. 141. Хороший обзор по состоянию на 1958 г. в работе E. Fischer—Jorgensen, What can the new techniques of acoustic phonetics contribute to linguistics? «Proceedings of the VIII International Congress of Linguistics», Oslo, 1958, перепечатано в сб. «Psycholinguistics. A book of readings», Sol Saporta, ed., N. Y. 1961, p. 112—142. В дальнейшем указываются страницы издания 1958 г.

ских гармоник», как мы только что видели (Изотема 5), использовал в сравнительно недавнее время А. Тьюринг.

Представления о естественной речи человека – импульсе звука и о его естественном механическом инструменте – струне издревле пронизывают все зачастую весьма сложные математические понятия. Задача о колебаниях струны в XVIII веке – веке Амати и Страдивари – увлекла многих великих математиков. Струна при ее делении на 2, 3, 4... и т. д. равные части дает звуки, гармонирующие с основным тоном. Л. Эйлер (1707–1783) в одной из своих 15 статей, посвященных этой задаче о колебании струны, дал решение одного из частных случаев. Д. Бернулли через пять лет предложил общее решение, исходя из физического соображения, что звук, издаваемый колеблющейся струной, складывается из основного тона и бесконечного множества обертонов. Именно:

$$y = \alpha \sin \frac{\pi x}{l} + \beta \sin \frac{2\pi x}{l} + \gamma \sin \frac{3\pi x}{l} + \dots$$

(l – длина струны, $\alpha = \alpha(t)$, $\beta = \beta(t)$, $\gamma = \gamma(t)$...) – (по работе: К. А. Рыбников. История математики. М., 1974. С. 207).

Более точным математическим анализом может служить понятие «гармонического ряда». Название связано с тем, что струна при делении ее на 2, 3, 4, равные части дает звуки, гармонирующие с основным тоном («Справочник по высшей математике» [Выгодский 1995: 536]).

(Культурологу здесь может быть необходимо, как нам думается, целое математическое примечание, для которого просто указываем соответствующую страницу названной книги М. Я. Выгодского (с. 532–533).)

Мы продолжаем историческое изложение К. А. Рыбникова. «Однако Эйлер выступил против такой трактовки общего решения, так как, по его мнению, функция, предложенная Д. Бернулли, являлась недостаточно общей. В самом деле, она непрерывная, нечетная, периодическая. Поэтому, по Эйлеру, она могла выражать лишь частное решение, в крайнем случае – класс частных решений. Возникший спор привел к задаче: выяснить объем класса функций, представи—мых тригонометрическими рядами.

В 1807 г. (опубликовано в 1822) Фурье в работах по аналитической теории тепла показал, что [...] все эйлеровские связанные кривые, начерченные свободным движением руки, оказались охваченными аналитическим аппаратом тригонометрических рядов» [Рыбников 1974: 207].

Мы продолжаем изложение К. А. Рыбникова (с. 209, 354). В 1822 г. Фурье опубликовал «аналитическую теорию тепла», оказавшую огромное влияние на развитие математики, в дальнейшем математические методы, ведущие свое начало от Фурье, в соединении с соображениями о законах сохранения энергии (С. Карно, 1824; Р. Майер; Г. Гельмгольц; Дж. Джоуль – 1840–е; Р. Клаузиус, 1850; У. Томсон—Кельвин, 1851) привели к формулировке второго начала термодинамики и установлению понятия энтропии.

Однако сейчас для развития нашей темы нам важны не столько общие принципы вроде начал термодинамики, энтропии и т. п., сколько более конкретные исследовательские понятия, в частности, понятие функции. Это понятие очень популярно у современных исследователей разных областей науки. Математик и культуролог А. Н. Паршин исследовал «числа как функции» [Паршин 2002: 7 и сл.] (культурологам, в частности, будет интересно «рисунчатое, движением руки, изображение» кривой и знака функции).

Необходимые К. А. Рыбникову для его «Истории математики» (с. 354) ссылки на Л. Больцмана и, самое главное, на развитие понятия функции (с. 200, 206 и сл.) оказываются

параллельными (как «изотемы») ссылкам автора данной книги для его истории культуры (например, в работе «Язык и метод. К современной философии языка» [Степанов 1998: 332, 495]; в работе «Функции и глубинное» [Степанов 2002] и др.). По этой причине последнюю изотему мы подчеркнем отдельно – в следующем разделе.

9. Изотема 9

Функции и глубинное. Логико— математическое понятие функции & Пропозициональная функция в лингвистике & Бинарная функция в математике и сложное слово в лингвистике

Логико—математическое понятие функции является в настоящее время, несомненно, центральным по положению в нашей системе рассуждения и содержательно важнейшим для нашей цели. Им вводится целый класс математико—лингвистических аналогий, параллелей и исследовательских ситуаций. Ниже нумеруем их – в порядке возникновения в нашем рассуждении – цифрами от 1 и далее; но эта нумерация все же связана до некоторой степени с иерархией понятий в системе.

Теперь рассмотрим более конкретно группу лингвистических явлений, составляющих параллели, аналоги, аналогии (все эти термины для нас равнозначны) к логико—математическим понятиям, покрываемым общим понятием «Функция» или находящимся в какой—либо существенной связи с ним. Для этого «слева» указываем то или иное необходимое частное понятие функции в математическом смысле или контексте, а «справа» его лингвистический аналог.

Таким образом, нижеследующий текст представляет собой своего рода двуязычный словарь, хотя в типографском отношении входной «левый» термин и «переводной» «правый» могут быть разьединены несколькими строками или даже абзацами.

Лейтмотивом в классе «Функция» является для нас (для лингвиста) идея процесса (вычисления или построения), но, как мы увидим уже в разделе 1, со стороны математики именно ее важность иногда отрицается.

1. Рекурсивные функции и предикаты: процесс и рекурсия. Дж. Литлвуд, рассматривая (резко критически) книгу А. Р. Форсайта «Теория функций комплексного переменного», изданную в 1893 г., но все еще читаемую, цитирует из нее: «Возникновение идеи функциональности вначале было связано с функциями вещественных переменных, и тогда эта идея была равнозначна идее зависимости. Так, если X зависит от значения x и не зависит ни от какой другой изменяющейся величины, то принято X рассматривать как функцию от x ; при этом обычно еще

подразумевается, что X выводится из x при помощи ряда операций». Такое изложение, по мнению Литлвуда, навеивает «общий кошмар». «В наше время, – продолжает он, – конечно, функция $y = y(x)$ означает, что имеется класс «аргументов» x и что каждому x поставлено в соответствие 1 и только 1 «значение» y . После некоторых тривиальных разъяснений (а может быть, и без них?) мы можем осмелиться сказать, что функция есть просто класс C пар (x, y) (с учетом порядка в скобках), подчиненный (только) тому условию, что x в различных парах должны быть различными (и утверждение «между x и y есть зависимость R » означает просто задание класса, который может быть любым классом упорядоченных пар)» [Литлвуд 1978: 64, 67].

Если термины «изменяющаяся величина», «выводится», «ряд операций» и т. п. вызывают у Дж. Литлвуда «ощущение кошмара», то он упускает и связанную с ними более общую идею «процесса», хотя бы понятия вычислимости. А эта идея и является в настоящее время самой главной.

Изложенное определение в курсах математической логики описывает класс функций, называемых *примитивно—рекурсивными функциями*: «функция $f(t, x)$, содержащая или не содержащая параметр t , называется примитивно—рекурсивной относительно функций $a(t)$, $b(t, x, y)$, если

$$R \begin{cases} f(t, 0) = a(t) \\ f(t, Sx) = f(t, x, f(t, x)) \end{cases}$$

(где никакая переменная, встречающаяся в правой части уравнения, не отсутствует в левой части, хотя некоторые переменные и могут отсутствовать в правой части)» [Гудстейн 1961: 73].

Р. Л. Гудстейн обращает внимание на черту аналогии с языком: «Предложение, содержащее свободные переменные, есть *арифметический предикат*» [Гудстейн 1961: 68].

Для лингвистики прежде всего важны две аналогии, связанные с основными единицами естественного языка: предложением (пропозицией) – *пропозициональная функция* и словом – *слоеная функция*.

2. Числовая функция в математике – Пропозициональная в лингвистике (иначе: высказывательная функция). Под последней понимается предложение как форма высказывания, выражающее некоторое суждение; в общей форме, как функция, предложение не завершено: оно содержит в своем составе незаполненные места, могущие быть заполненными словами или словосочетаниями данного языка; последние являются аналогами обозначений аргументов в числовой функции; при подстановке этих словесных переменных в высказывательную функцию она превращается в нормальное высказывание, истинное в том случае, если аргумент соответствует области определения аргументов для данной функции.

3. Числовая функция в математике – Словная функция в лингвистике. Словная функция представляет собой функцию достаточно специального вида (даже для математиков). В математическом смысле эта функция определяет со

бой *имя* в логико—математическом смысле термина. Мы назовем ее столь же специальным термином *слоеная*. В данной статье мы рассмотрим только один, еще более специальный ее случай, а именно такой, когда слово является именем существительным или именем прилагательным. Но одновременно это и наиболее типичный случай.

В основе этой функции, как для математики, так и для лингвистики, лежит одна и та же широко известная схема, называемая *семантическим треугольником*, или *треугольником Фреге*. (Она была известна уже схоластам XII века, и по справедливости ее нужно было бы называть именем Иоанна Солсберийского (он же Джон из Солсбери), но Фреге дал лучшее исследование ее на конец XIX в.; см. ниже II, 3.) Согласно этой схеме, имя состоит из (1) самого *слова* или знака слова в его внешней стороне – звучания или написания, (2) предмета обозначения, т. е. предмета, обозначаемого этим словом, – *денотата*, (3) *смысла* имени. В математической логике эти три сущности связаны отношениями функции, а именно так, что *денотат является функцией смысла имени*:

денотат имени $N = f(\text{смысл имени } N)$ [Черч 1960: 27].

Несколько простых примеров. Для русского языка: смысл слова *экскурсовод* помогает нам найти его денотат, т. е. человека, являющегося экскурсоводом среди толпы людей, бродящих по музею; аналогично – *автоматчика* в толпе солдат; *тяжеловоз* – среди автомашин, заполняющих автостоянку, и т. п. Точно так же в языке математики имя число 9, имеющее своим смыслом «три в квадрате», позволяет нам найти денотат этого числа среди чисел 4, 9, 16, 25... и т. д.

Математические логики не уделяют особого внимания тому обстоятельству, что словная функция действительно является функцией именно некоторого специального вида, ограничиваясь лишь указанием, что она принадлежит к разряду *однозначных сингулярных функций* [Черч 1960: 24]. (*Сингулярная* – зависящая от одного аргумента.) Между тем для математики интерес представляет общий случай – т. е. функции не сингулярные – бинарные, тернарные, вообще n – арные, что для лингвистики, скорее, редкость. (Однако ниже рассмотрим один такой случай, связанный с понятием словной функции и понятием функции актуальной интерпретации – разделы 5 и 6.)

Поэтому для математики в ее аналогиях с лингвистикой более естественны такие случаи, когда значения и аргументов и самих функций образуют множества, или классы, которые если и могут быть формализуемы, то по каким-то особым параметрам, лежащим в сфере лингвистики.

Вне этого специального случая (т. е. раздела 5) понятие множества (множества аргументов и функций) в применении к словной функции могло бы появиться разве что в связи с тем, что все слова какого-либо данного (фиксированного) языка рассматривались бы как некоторое разнородное множество, каждое со своей функцией, но потребность в таком рассмотрении, кажется, еще ни у кого не возникала. Итак, мы не будем стараться натушно соединить словную функцию (основу структуры имени) с другими видами функций в их математическом аспекте (ибо этого не делают и сами математики), а просто оставим ее как своеобразную, уникальную.

4. Бинарная словная функция в математике – Сложное слово типа *поэт—агитатор* и подобные в лингвистике. Когда мы говорим «сложное слово *поэт—агитатор* и подобные», то мы имеем в виду русские типы *нефтепровод* (*паровоз* и т. п.), *голубоглазый* и еще некоторые другие (здесь нам важно лишь подчеркнуть, что это большой класс слов). В других индоевропейских языках (здесь мы ограничиваемся только индоевропейскими) есть и другие разновидности, как, например, англ. *stone—wall* «каменная стена» букв. «камень стена» или *stone—wall problem* букв. «каменная стена проблема» (как обозначение лингвистической проблемы, связанной с образованием таких слов). В древнеиндийском (ведийском языке и санскрите) имеется огромный класс таких слов, некоторые разряды которых к тому же занимают промежуточное положение между словами и элементарными синтаксическими конструкциями, которых 4 типа, традиционно обозначаемые терминами древнеиндийской грамматики как *dvandva*, *tat—puruṣa*, *karmadhāraya*, *bahuvrīhi*.

Для нашей цели нам требуется суммарное обозначение таких слов еще до начала их подробного освещения и классификации (что к тому же не является здесь нашей задачей). Но выбрать такое общее обозначение очень трудно (вероятно, большинство лингвистов будет возражать против всякого), поскольку одни называют их «словосложением», другие «основосложением», третьи «сложными словами», четвертые «сложно—составными словами». Как условный термин, как «имя класса» может быть выбрано любое. Во всяком случае, имя, идущее от математики, будет, вероятно, подходящим к любому из типов этого класса – «лингвистические типы, покрываемые бинарной словной функцией». Именно на этом названии мы остановимся. С лингвистической стороны лучшим будет, по-видимому, *двуосновное имя*, или *сложное имя*.

Это общее наименование сразу задает нам центр класса – тип рус. *поэт—агитатор*. Именно на этом типе, правда, в его французском проявлении – *oiseau—mouche* (жен. р.) букв. «птица—мушка» (колибри), *chien—loup* (муж. р.) букв. «собака—волк» (волкодав), *papier—monnaie* (жен. р.) букв. «бумага—монета, бумага—деньги», и была впервые описана (Э. Бенвенистом в 1967 г.) аналогия с математической функцией в вышеуказанном виде [Бенвенист 1974: 241–258].

В этом типе слов как словной функции (сравним еще рус. *изба—читальня*, *вагон—ресторан*, *диван—кровать*, *рыба—пила* и т. п.) области определения обоих аргументов всегда легко обозримы, это конкретные «индивиды», «вещи», но эти области не симметричны. Классификацию задает всегда первый аргумент: *поэт—агитатор* – это поэт, а агитатор – лишь его дополнительный, характеризующий признак; *изба—читальня* как предмет – это прежде всего именно изба, а читальня – ее назначение (использование); *вагон—ресторан* – это предмет вагон, используемый как ресторан; фр. «собака—волк» – это собака, а не волк, но имеющая признаки волка и т. д. Первый аргумент задает денотат как предмет, вещь, в прямом значении слова, а второй – его назначение, характер использования или особенность, часто в метафорическом смысле. Сама функция, следовательно, состоит в переводе пары отдельных предметов в один, но сложный. Поэтому несимметричны и отношения внутри уже создавшегося сложного слова – это определительная синтаксическая конструкция: поэт, который является агитатором; изба, которая служит читальней; бумага, которая является монетой (деньгами), и т. д. Э. Бенвенист тонко подмечает: вся конструкция предполагает особую функцию глагола «быть»: «это не логический показатель тождества между двумя классами аргументов, это пропозициональная функция (мы бы сказали скорее „предикат“. – Ю. С.) формы «х, который есть у» применяется здесь к реальному предмету, и, однако, референты «х» и «у» несовместимы – что было бы противоречием» [Там же: 244].

Эту характеристику мы могли бы продолжить и сказать, что данный тип наименования создает новое место в классификации явлений ментального мира, поэтому во многих случаях, если не в большинстве, к новым двусловным именам обнаруживаются какие-либо старые, включающие данный предмет обозначения в какие-либо другие, иногда устаревшие или иного стиля классификации. Например, «диван—кровать» – это диван современного стиля для малогабаритных квартир, «птица—мушка» – это птица, которая в научной классификации уже имеет имя – колибри; «поэт—агитатор» – это новый революционный тип поэта, который в эпоху Пушкина связывался с понятием «поэт—пророк» и т. п.

В древней индоевропейской культуре такие формы использовались также для обозначения предметов сложных или составных и не имевших иного, простого обозначения, например **uīro—peki* букв. «мужчины—скот» (иногда с обратным порядком компонентов) как обозначение «движимого имущества, богатства»; тип *dvandva* в классическом санскрите *pitârâmâtâra* «отец—мать». В живых языках этот тип сохраняется – например, рус. *отец—мать* (*Бесстыдник, отца—мать позабыл*); литов. *t évas—motina* «отец—мать, отец с матерью».

По-видимому, его более поздней исторической стадией является тип рус. *отец с матерью, брат с сестрой, мы пришли с братом* (т. е. «я и мой брат»), фр. разг. *nous deux* *Spag1e\$* букв. «мы двое Шарль», т. е. «мы с Шарлем», «я и Шарль». Здесь называется сложный, парный, предмет, рассматриваемый как нечто единое, но ведущим компонентом является тот, который называется первым.

Во всех названных языках этот унаследованный тысячелетний лингвистический тип подчиняется тенденциям живого актуального словопроизводства в данном языке.

Так, в современном русском аналогом бинарной словной функции оказываются три такие модели:

1) «классическая» модель: *лесовод, лесосплав, лесосека* и т. п., где «левый» элемент именной, а «правый» – глагольный;

2) современное видоизменение этой модели, где сочетаемость не ограничена таким образом, особенно широка она для «левого» компонента, он превращается в аналог относительного прилагательного (и так и называется в современных русских грамматиках) со значением «относящийся к лесу» (с многочисленными

частными рубриками): *лесомассив, лесопитомник, лесосклад, лесооборот, лесо—бригада, лесостатистика, лесоботаника* и т. п.;

3) второй тип поддержан мощным активным словообразовательным процессом, идущим от неологизмов – сложносокращенных слов с «левым» компонентом группы *гор-, гос-, хоз-, сель-, пром-, сов—* и т. п. и уже уходящими в прошлое *парт—* и *проф—* (по моим наблюдениям, молодежь уже не понимает слова *профсоюз*; хотя, с другой стороны, элемент *сов—* еще живет – *соврубли, совмодели* на выставке готового платья – и породил новое слово *совковый* как резко презрительную характеристику чего—либо; см. подробную характеристику [Степанов 2002: 17 и сл.].

5. Семантический треугольник и абстрагирование его компонентов («сторон») в виде математических операторов абстракции. Семантический треугольник описан в разделе 3 в виде математического понятия «словной функции», и только в рамках этого понятия имеет смысл рассуждать об отвлечении (абстрагировании) сторон треугольника. Сказанным утверждается лишь общая возможность абстрагировать эти стороны, делая каждую из них особым абстрактным и одновременно формализованным объектом. Частных возможностей, очевидно, – три.

6. Оператор абстракции, или лямбда—оператор. (Он обозначается греческой буквой лямбда, λ , как λ —оператор.) Посмотрим еще раз на общую формулу словной функции денотат имени $N = f(\text{смысл имени } N)$.

Лямбда—оператор выделяет то, что идет в этой формуле после знака равенства, справа от него. Т. е. самое сокровенное в словной функции, в обозначаемом таким образом имени, самое его существо, то, что делает его именем данного денотата. Например (см. раздел 3), если *экскурсовод* – это имя человека, то словной функцией этого имени является его смысл – «человек,водящий экскурсии», а далее, извлекая тот смысл (в общем, можно сказать, – тот признак, на котором этот смысл основан), т. е. абстрагируя само значение данной словной функции, мы получаем «водить экскурсии». Это и будет результатом применения операции абстракции, т. е. лямбда—оператора, в данном случае.

Лямбда—оператор естественно становится, за пределами математики, кратким обозначением целой проблемы истории культуры, на которой мы кратко остановимся в конце.

7. Оператор дескрипции, или иота—оператор. (Он обозначается перевернутой греческой буквой иота, ι , как ι -оператор и читается так: «тот x , который описывается данной словной формулой» (формула в общем виде приведена выше)).

Взглянем еще раз на пример функции, приводимый обычно в самом начале, – зависимость между температурой кипения воды (T) и давлением (p). На первый взгляд может показаться, что оператор дескрипции здесь будет описывать аргумент «вещественно» – как «вещь», имеющую некоторое свойство (т. е. так, как делает Н. И. Кондаков в своем «Логическом словаре» [Кондаков 1971: 354]. Но в действительности – нет: оператор дескрипции здесь действует «номиналистически» – он описывает только число (которое в следующем ярусе отношений уже указывает на то или иное материальное, вещественное свойство).

После того, как мы охарактеризовали два оператора, мы должны увидеть естественным образом и третий.

8. Третий абстрактный оператор – оператор формы знака. На схеме «треугольника»: он не может быть обозначен никакой линейкой, он связан с самой формой знака и скорее всего должен быть символизирован самим же этим знаком (без всякой «линейки» от него к чему бы то ни было). Тем не менее, этот невыраженный, «невидимый», оператор

используется и в самой математике, и особенно в математической логике и семиотике под названием «автонимное употребление слова», – употребление слова для обозначения самого себя, например, *Слово «число» состоит из пяти букв*. Понятно, что этот оператор приобретает большую роль в экспериментах со словом – в экспериментальной поэзии и в ее теории – поэтике (см. об этом [Фещенко 2006]), например, в так называемом «автопоэзисе».

9. Иота—оператор и сложное слово типа бахуврихи. Аналогия данного типа индоевропейского сложного слова с математической функцией обнаружена также Э. Бенвенистом в уже упомянутой работе [Бенвенист 1974], но с каким именно видом функции, им не было указано. И мы развиваем эту отсутствовавшую линию здесь.

Математики (в отличие от лингвистов и семиотиков) уверены в непогрешимости своих формальных описаний (которые на самом деле могут быть двусмысленными). В данном случае – взглянем еще раз на общую формулу словной функции: что обозначает выражение «имя N»?

Во—первых, в схеме «треугольника» оно может обозначать ту связь, ту «линейку», которая идет к вершине «предмет», к обозначаемой словом вещи, предмету, денотату. Тогда «имя N» надо понимать так: «имя, относящее к вещи N», а операция дескрипции этого «имени N» будет пониматься как «описание той вещи, именем которой является N». Некоторые авторы так это и понимают, например: «Если $A(x)$ есть одноместный предикат, то образованный от него с помощью оператора дескрипции терм записывается так: $ixA(x)$, который читается: «тот предмет x , который обладает свойством A »» [Кондаков 1971: 354]. Назовем это *реальным*, или *вещественным*, пониманием оператора дескрипции.

Во—вторых, в схеме «треугольника» выражение «имя N» можно понимать как ту «линейку», которая ведет к вершине «имя», т. е. обозначает само слово N (или другой знак, использованный автором описания на месте N и обозначенный им подобно N). Тогда оператор дескрипции понимается как описывающий не предмет (денотат), а знак этого предмета, один из его внутренних параметров (точно так же, как оператор абстракции описывает другой из его внутренних параметров). Назовем это *номинальным*, или *номиналистическим*, пониманием оператора дескрипции.

В исследовательской работе при формализации удобнее в одних случаях понимать этот оператор одним, в других случаях – другим из указанных способов. В общем, дело обстоит, по—видимому, так. Если оператор дескрипции относится к чисто числовой функции (или функции, сводимой к чисто числовой), то его удобнее понимать «номиналистически». Если оператор дескрипции относится к какой—либо логико—математической функции, то его удобнее понимать «реально», или «вещественно». (Так, например, в случае пропозициональной функции. Развернутый пример такого рода мы даем ниже в связи с проблемой этимологии, – раздел II, 1.)

Сложные имена, называемые бахуврихи (bahuvrīhi), – широко распространенный тип: рус. *широкоплечий*, англ. *blue-eyed* «голубоглазый», греч. ῥυρρότοζος «(бог) серебрукий» и т. п. Этот тип основан на стяжении двух синтаксически различных предложений. Одно из них – предикативное предложение качества: «лук – серебряный»; другое предикативное предложение принадлежности: «серебряный лук принадлежит тому—то (x)». Атрибутивное предложение имеет своим признаком предикат существования «быть у (принадлежать)» (*être à*), который необходимо предполагает носителя атрибута, выраженного или невыраженного, актуального или потенциального «быть у (принадлежать)». Это свойство и определяет синтаксическую структуру бахуврихи. «Существенно различие двух планов предикации. Природа этих планов неодинакова:

– предикация качества «лук серебряный» (в греч. ῥυρρότοζος «серебрукий») является синтаксической функцией, устанавливаемой между знаками;

– предикация атрибуции «серебряный лук у. (принадлежит тому—то)» является семантической функцией, устанавливаемой между знаками и референтами (т. е. денотатами. – Ю. С.)» [Бенвенист 1974: 253].

В отличие от Э. Бенвениста, мы не склонны видеть здесь различие синтаксической и семантической функций. По нашему мнению, в обоих предложениях функция одна и та же – семантическая. Как предикат «серебряный» приписывается луку, так и предикат «имеющий то—то» приписывается (затем) некоторому носителю, обладателю. Одна и та же функция выполняется последовательно два раза: перед нами, скорее, понятие повторяемости, рекуррентности (рекурсивной функции).

10. Изотема 10

Одна современная тематизация – «Автомодельность»

С. П. Капицы & «Autopoetica» В. В. Фещенко

Мы начинаем эту изотему с некоторым композиционным опережением тем, потому что она подробно отражена в тексте нашей книги.

С. П. Капица («Теория роста населения земли» – здесь гл. VIII, 3) заканчивает свое исследование демографического фактора подчеркиванием роли его математического моделирования: «Математические модели – это не только и не столько средство для количественного описания явлений. В понятиях теории, в частности нелинейных явлений, следует видеть источник образов и аналогий, которые помогут расширить круг представлений в тех областях науки, где строгие понятия точных наук не могут быть формализованы в той степени, как это хотелось бы. В первую очередь именно понятийного и образного круга, появлении новых аналогий следует ожидать результатов от междисциплинарного взаимодействия наук, самонадеянно называющих себя естественными и точными, с теми областями знания, где объектом является человек и общество. В этом ряду демография занимает особое место, поскольку при всей ограниченности числа как характеристики сообщества его значение имеет четкий и универсальный смысл. Таким образом, в математическом моделировании существен не только количественный результат, но и те новые интеллектуальные инструменты, которые при этом входят в оборот и служат для более глубокого понимания явлений» (с. 74).

Одним из таких инструментов является, как указано автором (С. П. Капицей) выше (с. 20), «предположение о его (моделирования. – Ю. С.) автотомодельности, что выражается в масштабной инвариантности этого процесса» (с. 20). (Речь идет о постоянстве отношений изменения численности населения и времени как процессах самоподобных. – Ю. С.)

В других терминах, без количественной аналогии, автотомодельность оказывается аналогом некоторых массовых явлений искусства, а именно искусства с о–временного авангарда и науки о нем – семиотики. С этой целью мы приводим обширную цитату.

Из статьи В. Фещенко «Autopoetica как опыт и метод, или О новых горизонтах семиотики» [Фещенко 2006а].

Термин «аутопоэзис», как нам представляется, призван разрешить препятствие, чинимое так называемой «метатеорией» структурной поэтики и семиотики на пути к познанию внутренних законов творчества.

Все вышеизложенные размышления касались, по большей части, а у т о– поэтики как возможного метода – метода творчества, метода исследований, метода действия в науке и искусстве. Но за аутопоэтическим методом «маячит» что–то еще, выходящее за пределы сугубо инструментальной теории. Это «что–то» имеет отношение к способу мировидения, мироощущения, если не к самому мироощущению. Так как для словесника – любого творческого человека, имеющего дело со словом, – путь к новому знанию неминуемо проходит через язык, попытаемся приблизиться к сути «ау–топоэтического мироощущения», руководствуясь данными языка, обычного и поэтического (с. 108).

[...] Авангардное творчество всегда имеет в себе некоторый внутренний двигатель, создаваемый каждый раз по и н д и в и д у а л ь н о й, глубинной модели. Модель его – не серийная, а сериальная, т. е.

отсылающая не к внешним образцам, а к внутренним ресурсам. Это не просто работающая (поэтическая) модель, но модель саморазвивающаяся (аутопоэтическая).

[.] Аутопоэтика – это не наука и не искусство, не теория и не техника, не методология и не методика. Это понятие включает в себя *все* перечисленные аспекты, добавляя что—то еще. В авангардном искусстве все это слито в едином творческом поиске. Точнее будет сказать, что а у т о п о—этика – это творческое самоощущение художника, материализующееся в той или иной форме деятельности. Прежде всего это формы жизни – грамматика жизненного пути художника; затем – формы искусства, конкретная художественная практика; и, в конечном счете, формы языка – те минимальные единицы художественного языка, которые определяют основные темы и творчества, и жизнетворче—ства творца. Все эти формы, взятые вместе, а не по отдельности, выявляют в художнике «внутреннего человека».

Выше мы попытались определить аутопоэтику как мироощущение, миропонимание. Свидетельства из истории языка, а также из поэтики художников Авангарда дают нам основание говорить об а у т о п о э т и ч е с к о м м и р о в и д е н и и, берущем начало в горниле Авангарда, и о становлении соответствующего а у т о п о э т и ч е с к о г о метода, приходящего на смену метапоэтическому.

Наверное, более точным словом для описания сущности аутопоэтики могло бы служить слово «опыт». В русском языке ему соответствуют такие значения, как: 1) совокупность знаний, умений, навыков, вынесенных из жизни, практической деятельности и т. п.; 2) знание жизни, основанное на пережитом; 3) вся совокупность чувственных восприятий, приобретаемых в процессе взаимодействия с внешней природой и составляющих источник всех наших знаний о мире; 4) воспроизведение какого—либо явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью изучения, исследования; эксперимент; 5) попытка осуществить что—либо, пробное осуществление чего—либо. Аутопоэтика – это и деятельность, и знания, и переживания, и взаимодействия, и наблюдения, и эксперимент – одно без отрыва от другого. Любой опыт творчества может быть рассмотрен как ау—топоэтический. Так, внутренний опыт художника подсказывает ему самому метод творчества, а последний, в свою очередь, подсказывает исследователю этого художника верный метод изучения (с. 114–115).

Эта линия тематизации настолько важна для понимания всей концепции гуманитарной науки, что мы подчеркиваем еще ее более общий и исторически более ранний аспект в виде изотемы 11 как «Самоорганизацию науки».

11. Изотема 11

Самоорганизация науки. Синергетика (И. Пригожин, С. П. Курдюмов и др.) & Autopoietica (В. В. Фещенко), Автопоэзис (И. Е. Москалев и др.) & А. Тьюринг

Самосозидание науки не требует специального обоснования в виде отдельного термина, оно самоочевидно. Наука созидает сама себя. В этом ее можно

уподобить только самому богу или, в крайнем случае, языку. «Как раз своеобразие языка – что он озабочен только самим собой – никому не ведомо», – сказал Новалис. Но конкретных работ на эту тему множество, что составляет как раз своеобразие наших дней.

Термин «самоорганизация» предполагает ряд вариантов, указывающих на конкретные аспекты этого явления:

- самосозидание (начальные условия системы определяются характером самой системы или обстоятельствами ее возникновения);
- самоконфигурация (система сама определяет расположение своих составных частей);
- саморегуляция (система контролирует направленность своих внутренних преобразований);
- самоуправление (система контролирует направленность своей внешней деятельности);
- самоподдерживание (система поддерживает свое функционирование и свою форму);
- само(вос)производство (система воспроизводит сама себя или производит другие системы, идентичные ей);
- самоотнесенность (значимость системы определяется только в отнесении к себе самой).

Оказалось, что многие сложные системы демонстрируют сходное поведение на разных уровнях своей организации (и самоорганизации). Исследованием таких систем занялось отдельное направление в науке – синергетика.

К настоящему времени синергетика из специального научного метода, изучающего общие принципы самоорганизации в открытых системах, превратилась в обширное междисциплинарное поле исследований. Более того, с развитием синергетики связывают становление нового взгляда человека на мир природы и на самого себя в этом мире. Один из «адептов» синергетиче—ского движения, И. Пригожин, заявил: «Синергетика – это новый диалог человека с природой», Синергетика «открыла другую сторону мира: его нестабильность, нелинейность и открытость (различные варианты будущего), возрастающую сложность формообразований и их объединений в эволюционирующие целостности» [Фещенко 2006а: 120] со ссылкой на [Князева, Курдюмов 2002: 8–9] (от себя сошлемся также на более раннюю работу [Князева, Курдюмов 1994]).

Идея самосозидания, автопоэзиса объединяет целый комплекс современных научных идей. И. Е. Москалев вводит соответствующий раздел своей работы под заголовком:

Автопоэтическая сеть междисциплинарных коммуникаций.

Сама по себе дисциплинарная структура научного знания отражает аналитическую установку классической научной парадигмы, заложенной Декартом и Ньютоном. Согласно этой модели, ученый—исследователь, познающий мир, видел в нем функциональную структуру, позволяющую разложить любое

явление на составляющие его компоненты и, следовательно, сказать нечто о сути самого явления. Миссия науки состояла в построении системы универсальных законов, действующих независимо от воли и желаний мыслящего субъекта. При этом классическая эпистемология также представлялась в форме абстрактной теории, подтверждаемой *ex—post* в фактах совершенных открытий. Конечно, великие открытия Просвещения не были результатом именно такого строго функционального изучения, возможно, что иначе они вообще могли не состояться. Однако здесь мы имеем в виду саму аналитическую установку в классической эпистемологии, нацеленную на вычленение частей из целого и их тщательное исследование с целью выявления тех свойств, которые определяют поведение всей системы. По этой причине сегодня мы рассматриваем, например, закон всемирного тяготения как сугубо физический закон и уже не говорим о Ньюtone как о мистическом алхимике, искавшем универсальные взаимосвязи всех объектов природы.

Если классическая дисциплинарная схема описывалась функциональной структурой, то в современной постнеклассической [Степин 2000] науке особое значение придается нелинейным сетевым взаимодействиям, отражающим комплексное и нелинейное видение мира, поскольку сложность, открывшаяся взору современного субъекта—наблюдателя, не может быть понята в рамках узкодисциплинарной схемы. Становление новой, постне—классической рациональности связано с идеей глобального (универсального) эволюционизма и системным подходом, в его современной трактовке, представленной теорией самоорганизации.

Исследовательская программа *теории самоорганизации* объединяет множество концепций, отражающих ее междисциплинарный и коммуникативный характер [Москалев 2006: 111].

Но все же первым, на наш взгляд, должен быть снова упомянут А. Тьюринг (см. нашу изотему 5).

Понятие постоянной, вечной самоорганизации науки возвращает нас в нашей данной изотеме 11 к великому концепту «Вечность»: *С а м о о р г а н и з а — ц и я* неотъемлема от вечности и молодости. Само индоевропейское слово «вечное» значит «вечномолодое» (рус. *юный*, англ. *young*, др. — греч. *αι όν* «эон»). И ниже (в главе VIII) мы рассматриваем его уже и под этим, несколько иным углом зрения.

Поэтому эта изотема в нашем очерке снова возникает и как *Предысто— р и я* современного, нового, можно сказать, как прямое продолжение слов молодого автора изотемы 10, — «Ньютон в 1696 году.» в гл. VI.

IV. КОНЦЕПТЫ. ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ». КОНЦЕПТЫ КАК НЕПОВТОРИМЫЕ (НЕСОЕДИНИМЫЕ) НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. Вводное замечание. Концепт – своеобразный национальный жанр словесности, ее «национальная минимализация»

Вообще—то, у концептов нет национальности в обобщенном смысле, «национальности по паспорту». Но у концепта есть «родной дух», запечатленный привычным и л ю б и м ы м образом мысли и часто каким—нибудь одним человеком в одном каком—нибудь месте, где так говорят, так слушают, так смотрят. Скажем, вот это что—то – в белорусском Полесье, в серых белорусских глазах, опечаленных Чернобыльской отравой. А вот это в Бретани, французской по паспорту, но в совсем не «французской» речи и «без французского шампанского» (скорее, там будет сидр). А вот это в центре Испании, где вы все еще можете услышать «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!», как провозглашала в 1939 г. Долорес Ибаррури, своим горячим голосом (и где все еще говорят про такие голоса «una voz calida»). И т. д. и т. п.

Итак, дальше разделы складываются по принципу «Словарей» – Русский, Английский, Французский и т. д. Составление «Словаря» – авторское.

Но у концептов есть еще одно национальное отличие – их тип кратко– с т и. Концепт всегда, по сравнению с развернутым текстом, есть нечто краткое, есть минимализация. Но у нее разные национальные типы.

Понятие введено нами, – что было естественно после наших многочисленных опытов по добыванию «концептов» (см. в этой кн. гл. II). Но своеобразный способ выявления произведений художественной литературы, как бы краткое эссе о произведении, принадлежит Ю. И. Айхенвальду. Примером может служить его очерк о Тургеневе (к которому мы еще вернемся), откуда следующий отрывок:

Можно отвергнуть Тургенева, но остается тургеневское, – та категория, которой он сам вполне не достиг, но возможность которой явствует из его же творений, отрадная и желанная. Сладкий запах лип, и вообще эти любимые тургеневские липы, и старый сад... (см. далее гл. V, 2)

Итак, минимализация концепта – это своеобразный жанр словесности, типа эссе. Конечно, никто не рассматривал ни понятия, ни концепты как жанры словесности, но вот теперь мы должны это делать; известно также, что концепт, в отличие от логического понятия (от понятия как предмета логики) может, и даже требует, чтобы в него включали какие—либо яркие, характерно отличные детали; вспомним, что О. Мандельштам определил «интеллигенцию» (во всяком случае, для эпохи 1930–х годов в России—СССР) как «социальную группу разного классового состава, являющуюся читателями поэзии» (любителями, читателями, слушателями поэзии). Конечно, это определение – реконструкция культуролога, но мы допускаем его здесь несмотря на корявость стиля ради точности. Смысл минимализации в том, что она заменяет обширные подлинные авторские тексты их сжатым изложением, компрессией текста, тем, что по—английски принято называть «digest».

Концепт как минимализация в указанных выше смыслах для культуролога наших дней воспринимается, по—видимому, прежде всего в окружении переводных терминов с английского — digest, reader's digest и т. п., как текст для облегченного, «адаптированного для упрощения» постижения. Между тем у этого понятия солидное историческое прошлое. Самим словом (латин.) «дигесты», или «пандекты», обозначают главным образом «Дигесты» Юстиниана—на — многотомный свод источников по римскому праву, служивший пособием и источником базовых сведений для многих десятков поколений юристов Средневековья, Нового и Новейшего времени. В наши дни в Российской Академии наук вышел заключительный (VIII) том «Дигест» — издание латинского текста с параллельным русским переводом (Отчет Академии наук 2006). Так что «минимализация», можно сказать — неизменный культурно—исторический процесс.

Но понятие «минимализации», о котором говорит Ю. И. Айхенвальд (здесь двумя страницами выше) — это не «облегченное» постижение, а противопоставление «внешнего» и «умопостигаемого».

«Минимализация», по Ю. И. Айхенвальду, это «имманентный» способ изучения литературы, — «когда мы убедимся, что писатель в своих произведениях именно отрешен от своей внешней биографии, а не участвует в ней».

Но Ю. И. Айхенвальд подчеркивает еще нечто совершенно новое для тогдашней «истории литературы» и что мы, как современные культурологи, не устаем повторять вслед за ним — единство искусства и науки: «... вечная незавершенность творчества присуща обоим — и писателю, и критику. [...] Но] она более характерна для последнего, чем для первого. Она для критика — смысл его существования, главная его миссия: он к тому призван, чтобы воспринимать, созерцать, вести все дальше и дальше, все глубже и глубже, духовную нить впечатления, тогда как писатель, в себе хотя тоже бесконечный, по отношению к другому, именно — к читателю, или к критику, все—таки кончает, [...] он передает свою дароносицу дальше, своему преемнику—критику. А тот бережно берет ее из освященных рук — и продолжает» (с. XXIX).

Концепты

Наша «Галерея концептов» всюду состоит из «текстового» и «изобразительного» проявлений. Надо только помнить, что концепт не заключается в «картинке» и «подписи». Он — во внутреннем соединении (слиянии), совершающемся в сознании их «воспринимателя», читающего и смотрящего человека.

Поэтому во многих случаях концепт сложно или даже невозможно поименовать: не скажем же мы, что сейчас (на первой странице) перед нами «концепт ночного кафе», — просто читаем и смотрим...

Концепты

Текст перед нами — это французская поэма Жака Превера «Жалобная песнь по Винсенту» («Complainte de Vincent») из его сборника стихов 1946 г., с посвящением Полю Элюару. Наше изображение здесь — две картины Винсента Ван Гога — «Ночное кафе в Арле» (1888) и «Дом Винсента» (1888).

Преверу удалось точно схватить тональность Ван Гона — первая строка задает скребущий ритм: A Arles o ù roule le Rhône... (фонетическое прочтение по—русски: А—Арль—у—руль—лэ—Ро—о—н) — «В Арле, где катит свои воды Рона...».

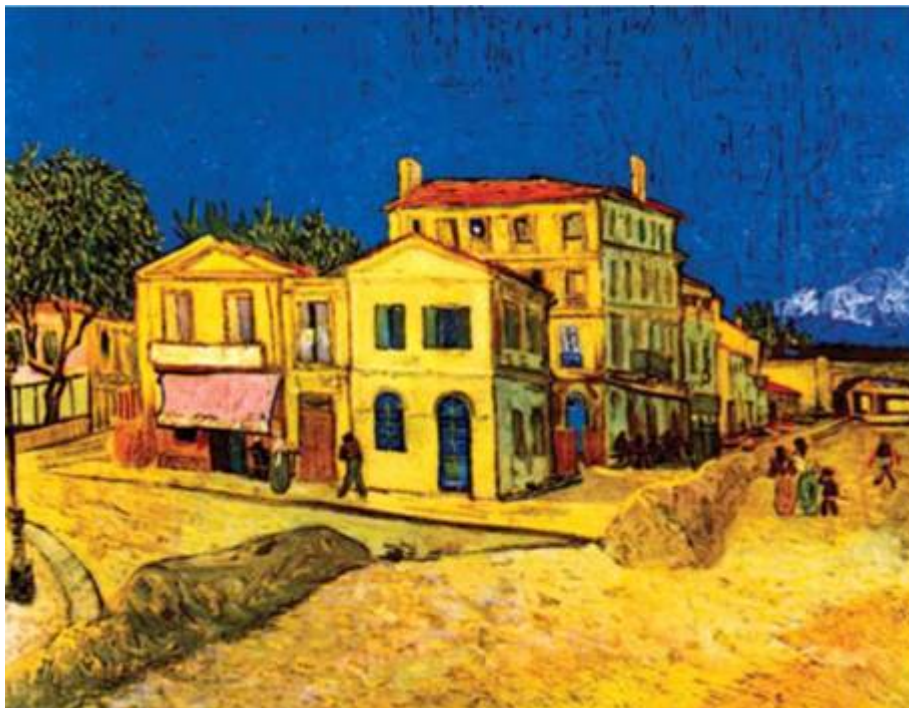
Лексика у Превера также «скребущая»: жестокое солнце Юга, как ящик, гонит степающего человека, как рожающую женщину гонят ее внутренние муки; пронзительное, как крик, желтое солнце торчит над борделем (наш краткий комментарий: Ван Гог в письме к брату Тео: «желтый цвет – высшая просветленность любви», и, тоже в письме: «добрейших потаскушек из борделя пугают мои картины»; продолжаем из Превера) мужчина приносит подарок новорожденному – отрезанное ухо, обернутое в тряпицу, и вот сам Винсент рухнул, в крови, на каменный пол перед полотном своей картины...

Но наш «текст к концепту» расширяется его комментарием: Андре Сальмон (французский писатель и издатель художественной серии «Фовизм». Andr   Salmon «Le Fauvisme» Ed. Aimery Somogy. Grunde – Paris, 1956, planche 2) выделяет: Из писем Винсента к его брату Тео: «Сегодня, вероятно, приступлю к интерьеру кафе, где проживаю, это будет вечером, при газовом свете. Таких кафе тут много, их называют „ночные“, они открыты всю ночь. Любители ночных прогулок могут получить пристанище на ночь, если им нечем заплатить за квартиру или они так напились, что их никуда не пускают». «На своей картине я стараюсь передать кафе как место, где можно проигратъся дотла, сойти с ума, совершить убийство. В общем, стараюсь контрастами нежного розового и кровавого красного, нежного зеленого в духе Людовика XV и Веронезе, контрастирующими с зелено–желтым и жестким зелено–голубым – и все это в адском пекле с запахом серы – схватить как бы силу мрака, который таит в себе убийство». «Утрированные этюды, как мое „ночное кафе“, самому мне кажутся противными до отвращения и обычно просто плохими. Но когда меня что–нибудь перевернуло, как эта маленькая заметка о Достоевском, тогда только такие и представляются мне имеющими значение».

Ван Гог в письме к брату Тео: «... Дом и его окружение серного цвета, под небом чистого кобальта. Мотив жесткий! Но я как раз и хочу его преодолеть. Ведь это ужасно: эти желтые дома под солнцем и тут же несравненная свежесть синего» (по изд.: Van Gogh par Frank Elgar. Ed.: Fernan Hazan. Paris, 1953).

Ван Гог. «Ночное кафе в Арле» (1888)

Ван Гог. «Дом Винсента в Арле» (1888)

Концепты

Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя – поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

(С. Есенин. 1924–1925)

Приведенный выше текст Есенина является в некотором смысле образцом концепта так как несет в себе чистую мысль—эмоцию. Почему и возможно прямое сопоставление с изображением, – см. на нашем развороте.

Расширение текста – комментарий. Но уже первая попытка расширить этот текст – хотя бы процитировать из того же стихотворения Есенина одной строфой ниже, т. е. третью строфу, – влечет к тому, что чистая тихая мысль затмевается:

Напылили кругом. Накопытели.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

(С. Есенин, там же)

Нет, видно, в русском концепте «несказанное, синее, нежное» возможно только как «внутреннее». А иначе кругом *натопчут, накопытят*.

Наш край, наши дни

Концепты.

Цвет в концепте вообще

Василий Кандинский «О духовном в искусстве» (1910 г., первое издание 1912). Здесь по изд.: С предисловием Нины Кандинской. Междунар. Литературное Содружество. New—York, 1967.

«... Мы видим, что в основе как каждой малой, так и в основе величайшей проблемы живописи будет лежать внутреннее. Путь, на котором мы находимся уже в настоящее время и который является величайшим счастьем нашего времени, есть путь, на котором мы изба-

вимся от внешнего» (С. 88). (Примечание В. Кандинского в сноске: Понятие «внешнее» не следует смешивать с понятием «материя» [...]).

Вместо этой внешней главной основы принята будет противоположная ей – главная основа внутренней необходимости. [...] (С.88). «Этой исходной точкой является взвешивание внутреннего значения материала на объективных весах, т. е. исследование – в настоящем случае цвета, который в общем и целом должен во всяком случае действовать на каждого человека.

Нам незачем заниматься здесь глубокими и тонкими сложностями цвета, мы ограничимся изложением свойств простых красок.

[...] Тотчас возникают четыре главных звучания каждой краски; или она: I) теплая и при этом 1) светлая или 2) темная, или же она: II) холодная и при этом 1) светлая или 2) темная.

Т е п л о т а или холод краски есть вообще склонность к желтому или к синему [...] Второго рода движение: желтого и синего, усиливающее первый большой контраст, есть их эксцентрическое или концентрическое движение. Если нарисовать два круга одинаковой величины и закрасить один желтым, а другой синим цветом, то уже при непродолжительном сосредоточении на этих кругах можно заметить, что желтый круг излучает, приобретает движение от центра и почти видимо приближается к человеку. Тогда как синий круг приобретает концентрическое движение (подобно улитке, заползающей в свою раковину) и удаляется от человека. Первый круг как бы пронзает глаза, в то время как во второй круг глаз как бы сам погружается» (С. 87–91. В нашем фрагменте выпущен «второй большой контраст – между белым и черным». – Ю. С.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.